

Большой, тёплый и очень
июньский роман

Поезд до Дублина

Deirdre May Mass

16+

Deirdre Moss

Поезд до Дублина

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Moss D. M.

Поезд до Дублина / D. M. Moss — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Светлый, ностальгический и искренний роман-биография, поднимающий важнейшие вопросы в становлении личности, такие как: важность семьи для взрослого и ребёнка, формирование мировоззрения, роль человека в определении собственной судьбы. Книга является наглядным описанием особенного рода взаимоотношений, которые стоят несколько выше, чем обыкновенная любовь или дружба, а также она даёт почву для размышлений на тему «Что важнее: принципы или душа?»

Deirdre Moss

Поезд до Дублина

Посвящается, в первую очередь, моей семье, без которой эта книга точно не появилась бы на свет, светлой части самой меня (по мере написания романа она превратилась в самобытную личность и не раз заставила меня основную поплакать и переосмыслить собственные ценности) да нескольким людям, сделавшимся прототипами многих (на самом деле, почти всех) персонажей.

А также, я, пожалуй, посвящу сей роман лично Вам, ведь каждый из нас способен узнать себя в том или ином герое данного произведения.

Глава 0.

– Уважаемые пассажиры, просьба пристегнуть ремни, наш самолёт заходит на посадку, – вещал металлический голос из динамика над моим креслом. Вздохнув, как перед страшной бурей, я отложила ноутбук и потянулась за ремнём безопасности.

Кто меня вообще дёрнул приехать сюда на Рождество? Хотя, по правде говоря, родители ежегодно приглашали меня присоединиться к семейному празднеству, однако я вечно оставалась в Дублине под предлогом работы, мужа или чего ещё. Но не в этот год. Почему именно сейчас? Да хотя бы потому что мне надоело прятаться от самой себя.

Этот городок, расположенный на Западе страны, в настоящее время являл собою удивительный контраст между цивилизованным центром и поистине сельской окраиной. Если в центре, как рассказывали мне мама с папой, ты ныне мог наблюдать модные бутики, уютные кафе во французском стиле и даже руины когда-то построенной тут крепостной стены, то на периферии, как помнила уже я сама, местность была сплошь заселена деревенскими домиками с чёрными, серыми, красными крышами. Там, на узеньких улочках, часто можно было слышать смех малышей, пробегающих мимо в одних только трусиках, переругивания соседок – тёток зачастую крупного телосложения, со стянутой в пучок копной густых волос и потрёпанными временем домашними халатами, а также пьяные песни завсегдатаев различных пабов.

В общем, окраина представляла собой маленький город в составе большого. Жившие там знали в лицо чуть ли не всех обитателей района, а ещё могли сходу вычислить «городского» (так там по старинке называли обитателей центра). Местные ребяташки глянцевоым игрушкам предпочитали камешки, лягушек и железную дорогу, по которой изо дня в день в пять тридцать пять утра со стуком проносился экспресс «Голуэй – Дублин». Также поражал воображение раскинувшийся рядом с чертой города изумрудный луг, где, тем не менее, приходилось быть осторожным, потому что среди большого разнообразия трав тут и там прятались болота. Но это обстоятельство никогда никого не смущало, и даже мы в детстве, бывало, с утра до вечера пересекали по просторам бесконечной долины.

Но так опять же помнила я. Всё-таки время не стоит на месте, поэтому за те семнадцать лет, что меня здесь не было, окраина колоссально изменилась. Снесли аварийные постройки, исчезли грязные дворики, и на смену им пришли аккуратные сады, огороженные металлическими заборами с фигурной резьбой. Я ожидала услышать брань женщин на непутёвых пьяниц-мужей, которых они, взвалив на могучие плечи, как мешки с зерном, частенько волокли домой из паба, однако вместо этого до ушей моих донеслись лишь звуки шумной вечеринки из недавно построенного ресторана. Всё стало по-другому.

Свернув на центральную улицу, я сразу же упёрлась в четырёхэтажный дом, в восьмидесятых бывавший почти что редкостью в этих местах. Тут, на первом этаже, некогда располагался магазинчик «У Джонни», куда мы детьми часто заглядывали, поскольку владелец магазина был не только хорошим другом нашего папы, но и очень добрым, как виделось нам,

человеком, поскольку за рассказанное стихотворение или решённый пример по математике мы, таков уж был заключённый некогда «контракт», получали от него то конфету, то печенье.

А если повернуть чуть-чуть налево и пройти метров триста, то можно наконец найти то, что так долго искал. Небольшой жёлтый домик, имевший два этажа и когда-то купленный мамой с родительской помощью, был теперь облицован камнем нежно-кремового цвета. На балкончике, смотрящем строго на Восток, красовалась разноцветная гирлянда – в кои то веки дождь не предвиделся, а посему ей ничего не грозило. В моих капиллярах, вместо ожидаемой горечи, зажурчало приятное удовлетворение. Бессчётное количество тёплых воспоминаний, связанных с местом, где я выросла, метелью закружились в моём разуме и миг затмили любую было зарождающуюся печаль. Внутренне я благодарила новых хозяев, хоть в прошлом их и ненавидела, за то, что те сохранили наш замечательный дом и ещё больше его облагородили. Не ощущалось ни тоски, ни какого-либо другого гнетущего чувства. Почему-то было легко, как в детстве.

Не могу назвать точное количество минут, которые я провела, стоя, как статуя, на одном месте. Но в один прекрасный момент до меня дошло, что вот так разглядывать ныне чужой дом – это как минимум невежливо, а как максимум – подозрительно. Потому, не желая трепать нервы себе и окружающим, я собралась с силами и двинулась дальше.

Конечной точкой моего маршрута был центр города, и постепенно пейзаж сменился с низких домов на более-менее высокие, дикой растительности стало меньше, а инфраструктуры – больше. Естественно, здесь ничего не поменялось: старые кирпичные здания всё так же наблюдали за мной выбеленными решётчатыми окошками, за которыми только намечался праздник, приветливые горожане суетливо разбегались по домам с ворохом последних покупок, а супермаркет на углу мигал радужными огоньками и светился вывеской, как много лет назад. Вот ещё один поворот и... Я встала истуканом, а вскоре возобновила движение. Но уже не туда. Стремительно удаляясь от родной квартиры, я едва ли могла понять, что происходит. Ноги несли меня всё быстрее и быстрее, а потом и вовсе сорвались в бег. Рассудок помутнел, и тело отказывалось его слушаться. «Остановись!» – из-за всех сил кричала я самой себе, но будто это могло хоть что-нибудь поменять. Я бежала, ох, я знала куда. Может быть, знала даже слишком хорошо. Не за этим ли я, наконец, преодолела путь домой?

Вывод был однозначен и бесспорен. Но ведь ещё рано, я совсем не готова!

«Не готова? – усмехнулось подсознание. – Разве не это ты твердила себе все семнадцать лет, Мёрфи Уолш?»

И оно было как никогда право, верно, по этой причине каждая клеточка моего организма поддержала именно его точку зрения и, что уж там, подчинилась.

В борьбе с самой собой я не заметила момента, когда переместилась на улицу, которую я узнала по одному лишь запаху старых вещей и свежей листвы, хоть сейчас был далеко не июнь. Она оказалась пустынной и почти что заброшенной, по крайней мере, мною не было замечено ни одного жителя. Большинство домов либо покинули, либо махнули на них рукой и запустили. А я ведь помню её совсем другой.

В течение тех мучительных минут меня не оставляло невнятное тяжёлое ощущение, отдававшееся стуком каблучков школьных туфель по тёплому и ещё не испещрённому трещинами асфальту и шуршанием гладких, тяжёлых кос. Я чувствовала, как нечто до крайности неприятное копошится в моём мозгу в попытках выбраться наружу, причём, чем ближе я подходила к цели, тем страшнее мне становилось. Стоило мне достигнуть старого здания из красного кирпича, противные мысли, казалось, полностью поглотили разум, и стало невозможно как произвольно думать, так и рассуждать в принципе. В горле встал ком, а руки неистово задрожали. Я чувствовала каждую перемену в моём теле, но не могла сделать ровным счётом ничего. Оставалось только стоять и заворуженно смотреть в засасывающие, мёртвые окна.

Хотелось отвернуться, убежать, спрятаться, что угодно, лишь бы не видеть вновь эти образы, не слышать давно замураванные в глубинах головы звуки. Они давали о себе знать всполохами, как вспышками фотоаппарата больной моей памяти. Их было три, три волны счастья, из которых со мною остались лишь две.

Всполох: запах лета, озона, персика и вересковых цветов, медленно приобретающий оттенок тошнотворного железа крови.

Всполох: неразборчивая уличная болтовня и смех, беззаботный, полный искренней любви смех, всё понижающий и понижающий свой тон, как при падении, а потом – окончательно растворяющийся в глубине пропасти разлома.

Всполох: ощущение кожи под пальцами, мягкой кожи, а прямо под ней – доверчивая и чистая душа, на которой ещё не успела осесть сажа лжи и которая отчего-то постепенно покрывается рубцами и осколками молотых костей.

Когда-то всё это было. Когда-то это было дано лишь мне, мне одной. А сейчас... Что? Это я сотворила. Это моя вина. Это всё я.

«Вот что бы ты делала, если бы все люди на Земле исчезли?» – пожалуйста, замолчи! Этот звонкий, невинный голос... Когда-то он давал мне жизнь, но сейчас лишь сильнее убивает.

«Не знаю. Право, не знаю. Мне известно лишь то, что я сделала бы всё мыслимое и немислимое, только бы не дать исчезнуть тебе, – чувствуя, как тело слабеет и готовится к фееричному падению на сырые и мёрзлые камешки, руины всего, что некогда было мне дорого, я иррационально, механически обхватила себя руками и впиалась ногтями в предплечья. – Я реальна! – зачем-то захотелось выкрикнуть мне в печальное лицо погибшего дома. – Реальна! Реальна! Но... достойна ли я существовать? Или, возможно, стоит сказать так: я ли достойна?»

Всё, всё это, безусловно, было чересчур болезненно. Но как ты ни поверни шар, он везде одинаковый. А иными словами – вечно бегать невозможно.

Потому я согласилась. Вот так просто с горечью на языке признала свою неправоту, и тогда возвратилось осязание, обоняние, контроль над собственным телом. Совсем незаметно пошёл снег, вообще-то редкость, но мне было уже не до него. Необходимо было разобраться с тем, что так долго отторгалось, как мне не принадлежащее. Так или иначе, как говорила мама, всё это тоже было моей историей, а история недомолвок не терпит.

«Отпусти то, что наболело», – дельный совет, как нельзя кстати. Почему бы не прислушаться?

Ведь все эти годы прошли как будто в замкнутом круге без выхода и входа, а если так будет продолжаться дальше, заживу ли я вообще когда-нибудь нормальной жизнью? Вряд ли.

Поэтому в тот предрождественский день, бредя по маленьким улочкам к дороге и к своему дому, я пустила мысли на самотёк – будь что будет. С сумеречного неба падали белые хлопья, пахло дымом и копчёной курицей, точно как в те далёкие годы. Я вновь возвращалась к ушедшим местам, событиям, лицам, к невыносимо горькому и безмятежно сладкому. К тому, что сделало меня мною. К тому, что я так долго и тщетно пыталась похоронить. К тому, что некогда поставило в моей жизни новую точку отсчёта.

Часть первая.

An Chathair glas smaragaide (Изумрудный город).

Глава 1.

Наверное, стоит отправиться туда, откуда всё начиналось.

Некогда, а если быть точной, 27 марта 1976 года, когда окраина ещё не была окраиной, а представляла собой прилегающую к городку деревню, славной республике Ирландии, да и всему миру, впервые нанёс визит пухленький, медно-рыжий и невероятно голосистый младенец, который стал гордо именоваться Мёрфи Каролиной Уолш.

«Певицей будет», – умилялся, по его собственным рассказам, папа, когда я в порыве праведного малышова гнева не допускала во всей округе даже мысли о сне.

«Да хоть новым Литтл Ричардом, – будучи не в силах противостоять искреннему отцовскому счастью, примирительно кивали соседи, по факту пришедшие браниться. – пожалуйста, можно нам хоть чуть-чуть поспать?»

Но чаще их прошения, даже вопреки родительской воле, нагло отклонялись, и я разминала связки дни и ночи напролёт, вызывая желание убивать даже в родителях и старших брате и сестре. Причём, как бы они ни пытались меня утихомирить, чаще всего старания оканчивались полным провалом. Впоследствии, когда я уже вошла в сознательный возраст и спорила с братом или сестрой по-настоящему, они никогда не упускали случая в качестве аргумента упомянуть десятки насильственных сонных деприваций.

Но стоит отметить, что в те периоды, когда я не заливалась соловьём, меня в семье жаловали, и даже, наверное, почитали любимицей. Правда, продолжалось это недолго. Когда мне было почти три, у нас снова случилось пополнение, и я внезапно для себя самой оказалась записана в ряды старших и необратимо отъехала на второй план. Хотя, в принципе, для меня это обстоятельство не стало трагедией: ребёнком я, как повествует мама, была самостоятельным, а рассматривать жуков в саду можно и без помощи родителей. Поэтому от меня жалоб на недостаточное внимание не поступало ни разу. Да и я так думаю, ни от кого из нас.

Лукас, мой старший брат, всегда и на всё имел собственное мнение, и лично ему было совершенно не важно, нужно ли оно кому-нибудь в данный момент. Будучи человеком независимым от предрассудков, он не боялся ни получить наказание, ни нажить нового врага. Для брата важнее было либо показать оппоненту, чего тот в действительности стоит, либо его переспорить, да так, что уже больше никто по своей воле не полезет. Кулаками Лу драться не любил, считал это делом неблагородным, а вот острые словечки весьма жаловал и охотно употреблял. Поэтому стоит ли говорить, что его, мастера слова, в компании чуть ли не боготворили? А ему это нравилось, ведь брат, даже будучи человеком деревенским, имел какой-то собственный лоск, какой обыкновенно бывает у звёзд театра или кино. Живущий во имя развлечений, Лу учился неважно, но это он всегда оправдывал бессмертным аргументом: «А что с меня взять? Я личность творческая!» Справедливости ради нужно подметить, тут нет ни фунта лжи, и братец правда мог часами, не вылезая из комнаты, строчить стихи или писать песни под гитару. При этом домашнее задание благополучно уходило в фиолетово-параллельные миры, за что Лу незамедлительно прилетал нагоняй от мамы.

Вот к кому у неё практически никогда не было претензий, так это к Рэйчел. Будучи младше Лу всего на три года, она очень разительно от него отличалась: аккуратная и ответственная, ещё и отличница. Наверное, не знай я свою сестру, утверждала бы, что таких людей не бывает. Но Рэй была вполне реальна, и из всей семьи именно она наиболее часто работала бесплатной няней, играя со мной в карты и настольные игры и рассказывая о природе или каких-нибудь фактах из науки. Мне маленькой она казалась идеальной: всё знает, всё умеет. И если мамы, как и папы, не бывало дома из-за работы, роль матери брала на себя сестра. Да она в принципе была очень похожа на маму, и не только внешне. Волевая и сильная, Рэй всегда могла поставить на место одним словом, хоть в целом говорила она немного. Но при этом, как будто на противоположном полюсе, в ней теплилась простая доброта, такая всеобъемлющая и поистине человеческая. Сестра в жизни, как и мама, не подняла бы ни на кого руку, даже если мы откровенно напрашивались. Но постоять за себя она могла и ещё как. Бывало, как скажет – так ещё месяц сидишь и перевариваешь, так ли оно или всё-таки по-другому.

А вычленишь суть из речи моего младшего братишки Грейди порой бывало невероятно сложно. Активный и любознательный, если не сказать, любопытный мальчуган, Грейди трещал без перерыва двадцать четыре часа в сутки. Когда мы с ним ещё жили в одной комнате, каждый вечер превращался для родителей в сложный квест по укладыванию детей спать, поскольку энергия из нас была ключом, и ложиться в постели мы ну никак не желали, предпочитая оживлённо обсуждать всё, что видим, и прыгать на матрасах. Как ни крути, Грейди был моим

самым лучшим другом, который, в отличие от подруги детства, всегда был рядом, желала я того или нет. С ним можно было и по лугам вдоволь поскакать, чтобы домой прийти уже полночь, грязными, но страшно довольными, и по душам побеседовать, как, бывало, мы любили коротать время долгими рождественскими ночами, лёжа на старом диване в чулане. Всё-таки я и братишка были настоящими непоседами. Были случаи, когда из-за мелкой обиды мы с Грейди вдвоём выходили против четверых или даже шестерых. Более того, мы часто побеждали. Потом, правда, приходилось выслушивать жалобы родителей тех парнишек или девочек, адресованные нашим папе и маме. А затем нас наказывали. Но, тем не менее, было как-то всё равно, стоим мы в углу или нет, главное, ничто не могло сравниться с тем замечательным и нагловатым чувством собственного превосходства.

И если про меня или Грейди ещё могли в процессе отчитывания за очередную пакость выдать что-нибудь в духе «За какие грехи нам это чудо досталось?», то Марти, младший член нашей семьи, была, наверное, самым бесппроблемным ребёнком во всей деревне, а может, и в Ирландии. Она почти никогда не плакала, не кричала и не шумела, только тихо сидела и перебирала жёлуди или какие другие мелкие предметы. В абсолютном молчании. Но и тут была уйма специфик, к примеру такая: при любом поползновении постороннего на эти самые жёлуди сестрёнка моментально прекращала медитировать и издавала такой оглушительный ультразвук, что тут ушла бы нервно покуривать даже первоклассная оперная певица. Или вот: до трёх лет Марти ни проронила ни слова. Причём, развивалась она абсолютно нормально: неплохо рисовала, понимала речь и умела самостоятельно одеваться. Но вот с «говорением» у неё были какие-то неясные проблемы. Врачи ничего внятного объяснить так и не смогли, и мы уже совсем было смирились с бессловесностью сестры, как вдруг однажды, когда родители оставили Марти с Лу дома (к брату пришла муза, и ему срочно нужно было дописать песню), а нас троих повели гулять, случилось необыкновенное. Наша сестрёнка сказала первое слово. Даже два. Дело в том, что Лу, охваченный сочинительским пылом, знакомым не понаслышке всем людям творчества, метался туда-сюда по комнате, попиная ногами раскиданные по его половине вещи (на территории, принадлежавшей Рэй, всегда царил педантичный порядок, и даже брат не рискнул бы бросить туда что-нибудь своё) и перебирая в уме все возможные рифмы к слову «tree».

– Free, three... Нет, всё не то! – в душах он даже схватил грязную футболку и, нервно покрутив её на пальце, запустил куда-то на люстру. Не заметил брат только Марти, которая всё это время сосредоточенно и задумчиво семенила за ним по пятам.

– Может, agree? – робко предложила сестрёнка.

– Точно! – Лу засветился так, что, наверное, смог бы напитать энергией весь остров. – Как это я не додумался? – и тут до него дошло. – Лягушку мне в ботинок, что ты сказала?!

Дверь старший братец открыл, сияя не хуже отполированных камней на берегу океана. «Заговорила», – в восхищении отрапортовал он. И больше слов было не нужно, хватило и той пары, что произнесла Марти.

С тех пор они с Лу стали неразлучны. Сестрёнка очень скучала, когда большого брата не было дома и периодически, отложив свои жёлуди, приходила с обыском в их с Рэй комнату или дежурила у входной двери в ожидании, когда же он вернётся из школы. Лу, в свою очередь, тоже любил малышку и поощрял её тягу к творчеству. Нередко в выходные они могли часами сидеть и сочинять различные стихи, истории или песни. Марти любила животных и случалось так, что она притаскивала в дом всяких лягушек, стрекоз, улиток или другую живность, которая далеко не всем бы пришлась по вкусу. И именно брат договорился с мамой о банках, где сестра могла бы хранить своих любимцев при условии, что она сама будет о них заботиться. Мама эту идею одобрила, обосновав своё решение тем, что ребёнка нужно приучать к ответственности, а из-за её аллергии на шерсть мы не сможем держать дома ни кошку, ни собаку. «К

тому же, – добавил папа с лицом китайского мудреца, – зачем тратить лишние деньги, когда вокруг столько бесплатной животины бегают?»

В общем, после той беседы на подоконнике нашей с младшими комнаты стал красоваться ряд небольших баночек с ящерицами, лягушками, улитками, насекомыми всех видов и сортов и червями. При этом Марти питала к своим питомцам самую нежную любовь, не забывая ежедневно кормить их и даже иногда чистить. Конечно, гости, бывало, посматривали на это странновато, но, как говорится, «чем бы дитя ни тешилось...»

Исходя из всего описанного, жизнь в семье Уолшей никогда не была скучной, а рутину из нашего дома гнали в шею, стоило ей только переступить порог. Родители, братья, сёстры – все они были со мною на протяжении целого моего долгого и замечательного детства, помогли мне встать на ноги и определиться с мировоззрением, даже в достаточно большой мере его сформировали. И я любила их и до сих пор, разумеется, люблю, ведь это моя семья, самые близкие люди, какие у меня только были, есть и будут. Они способствовали моему росту, они сделали из меня личность, они некогда дали мне ощущение детского счастья. Детское счастье... А существует ли вообще счастье взрослое?

Глава 2.

Наверное, каждый ребёнок, в своё время прочитавший сказку «Удивительный волшебник из страны Оз» и, как подобает обыкновенно детям, не на шутку увлечённый волшебным её сюжетом, задавался вопросом, где же находится тот самый Изумрудный город. Со мной в этом случае мороки не возникло.

– Мам, – однажды, года в четыре, я подошла к ней со свежепрочитанной книгой, – а Изумрудный город правда есть? Или это враки?

Мама задумчиво поправила очки.

– Конечно, есть, – проговорила она с выражением глубокой мысли в голосе. – А где, потвоему, мы живём?

И, кстати, не сказать, чтобы она соврала. О долине, где ютились два поселения: городок и наша деревня, природа не поленилась как следует позаботиться: с трёх сторон, подобно незамкнутому кольцу, оба населённых пункта были окружены потрясающими сочно-зелёными холмами. В «пробел» же очень удачно входила петля железной дороги, которая обеспечивала жителям сообщение с окружающим миром. В детстве я обожала наблюдать за поездами, проносящимися мимо с суетливым стуком, хоть пассажирскими, хоть товарными, однако у меня на удивление редко возникало желание уехать вместе с ними, бросить родную лошину.

Поэтому я не имела ничего против того, чтобы на лето оставаться дома. И если активному, общительному Лу это было в тягость, и порой он просто умолял маму отпустить его в Голуэй с друзьями, то для всех остальных лето представлялось возможностью новых исследований, открытий и оттачивания навыков, на которые не хватало времени во время учёбы. Можно было не спать хоть до трёх часов ночи, а встать мы могли в двенадцать, и никто бы нам слова не сказал (однажды Грейди даже установил рекорд, проснувшись в четыре. Правда, потом он возмутился, что уже вечер, он ничего не успел, и – «самое, чёрт побери, поганое!» – никто его не разбудил). Не было практически никаких запретов, посему мы, бывало, уходили из дома в семь утра, а возвращались – в десять вечера. Прибывшись к банде деревенских ребят, я и Грейди облазали всё, на что только не распространялось родительское «туда ходить нельзя». Да и на самом-то деле, такие места почти что полностью отсутствовали. Как правило, мама с папой в воспитании, как потом и в жизни, руководствовались принципом «делай, что хочешь и как заблагорассудится. Другой вопрос, что отвечать за содеянное тоже придётся тебе». Поэтому они по факту ничего нам не запрещали, считались с нашим мнением, и вообще обстановка в нашем доме всегда была любящей и тёплой. Но с другой стороны, если что-то было нежелательно (например, трогать провода или ходить в болотистую местность), то родители ни за что не говорили нам «не делай этого» (так как подобные категоричные слова, есть

такое правило, ещё сильнее разжигает любопытство). Они просто рассказывали такие истории, что брови дыбом вставали и желание вкушать запретный плод отпадало как-то само собой. Например, раз папа поведал нам о мальчишке, который не послушал родителей, пошёл в опасную часть долины, и его тотчас засосало в болото. И никто не услышал его криков. При всей незамысловатости сюжета папа так красочно воплотил этот рассказ в устной форме, что именно его я почему-то запомнила на всю жизнь.

Посторонние люди часто считали папу чересчур беззаботным или даже несколько инфантильным, но мы-то знали, что у него просто своя методика и иные, нежели у общества, взгляды на воспитание детей. Чуть ли не с младенчества он общался с нами как со взрослыми и иногда, забыв о нашем реальном возрасте, рвался разъяснить, например, теории из философии. Другие родители крутили пальцем у виска, однако папу это обстоятельство мало смущало, ведь он считал, что его дети умнее и выше «беспольных сюсюканий», и они способны вместе с ним постигать сокровенные тайны мироздания (ну или просто классифицировать бабочек и мух, этому он тоже нас научил). Со мной отец пошёл ещё дальше, и, будучи «истинным ирландцем» (а если точнее, тем самым «ирландским националистом» и ярким патриотом), пока мне не исполнилось три, он общался со мной исключительно по-ирландски. В итоге я действительно хорошо знала язык и разговаривала на нём так, как будто вся моя семья до пятнадцатого поколения жила в гэлтахте. Нужно ли говорить, что папа был в восторге? Мама, вот уж новость, тоже не осталась равнодушна к эксперименту и впоследствии дала добро на то, чтобы отец провёл его повторно с Грейди. Но, какой бы радуги мы себе за это время ни успели напридумывать, имелась и обратная сторона. И не то чтобы очень уж приятная. Если я всё-таки слышала английскую речь от мамы и старших, то с Грейди уже исключительно *все* домочадцы – даже соседей просили – принялись изъясняться на ирландском, видимо, в надежде, что тот овладеет языком на совершенно идеальном уровне. Однако это обернулось не совсем так, как мы ожидали. В качестве «награды» за все старания у нас появился член семьи, который вообще не понимал ни слова по-английски. До двух лет мой младший брат говорил *только* на ирландском языке. А так как в нынешней англоговорящей Ирландии это, мягко говоря, не совсем удобно, пришлось срочно учить Грейди английскому. Это, конечно, было несложно, так как дети быстро усваивают материал, да и сам язык из-за своей структуры легко запоминается, но натерпелись родители достаточно, поэтому мама строго-настрого запретила любые опыты по отношению к Марти. Однако мы по привычке довольно часто говорили с сестрёнкой на родном языке, из-за чего получили ещё один интересный «феномен» – понимать-то Марти понимала, а вот говорить не могла, даже когда в три года она освоила наконец изложение мыслей в устной форме. То есть она по сути знала два языка, но говорила на одном. Так, объяснил тогда папа, бывает, если у детей нет практики. Но в связи с тем, что родители уже устали от всякого рода изысков, наша семья стала болтать почти всегда по-английски, лишь иногда переходя на ирландский (например, когда мы с братьями и сёстрами хотели посекретничать, потому что многие люди из нашего окружения не понимали ровным счётом ничего из нами сказанного).

Но за исключением языковых пертурбаций, папа с мамой лишних сложностей не любили. Например, когда Марти была ещё эмбрионом, они были отчего-то свято уверены в том, что родится мальчик. И это Хьюго и Корнелия Уолш, которые обыкновенно ничего на свете не принимали на веру, не убедившись в том, что это так и никак иначе. Единственным, как мне кажется, адекватным обоснованием данному безобразию можно считать ударившие в мамину голову гормоны и замечательное умение этой женщины убеждать папу и в принципе любого человека. Но факт остаётся фактом – новорожденного хотели назвать Мартином. Не знаю, уж не в честь ли Мартина Лютера Кинга (хоть мы и ирландцы) – всякое бывает! – однако железная логика родителей не выдержала форс-мажора в лице появившейся на свет девочки. Папа после такого события принял решение совсем ничему не доверять (а в особенности, маме под гормонами), а мама, недолго думая, решила не морочить себе лишний раз голову и просто

переставила в имени ударение. Так ряды нашей армии пополнила Мартин Уолш. «И не надо тут распинаться, что мне было лень, – отнекивалась впоследствии мать. – Красиво же звучит, ну? – и, получив неуверенное «Э-э-э-э-э... Да, может быть» в ответ, она довольно заключала. – Так в чём же тогда проблема?»

Из-за, собственного, запоминающегося шарма старших Уолшей любила (или, по крайней мере, знала) вся деревня. А как тут не обратить внимание, когда папа, порой, просиживая штаны с приятелями в центральном пабе, вступал в такие дебаты о мире и политике со стариком Хэмишем, тоже завсегдаем данного заведения ещё со времён, наверное, самой войны, что все остальные посетители невольно замолкали и оборачивались посмотреть, кто же так нешуточно сцепился в схватке с местным «мудрецом»? Иные даже начинали за кого-нибудь болеть. Но чаще люди, всецело охваченные жаром ожесточённой дискуссии, просто наблюдали за живописнейшей картиной спора, на который они сами вряд ли когда бы решились.

– Если тебе кто-то начнёт затирать о вечном, – в разгорячённом и немного поддатом состоянии учил меня отец, когда мы затем возвращались из паба домой. Меня там знали, потому, вопреки правилам, иногда запускали внутрь, – сначала проверь, так ли это, дойди своим умом. Ты сможешь, ты ведь, Murchú (иногда папа называл меня, как выражался он, по-правильному, то есть по-ирландски), совсем как я, сам чёрт тебя не убедит, что в розетку пальцы совать плохо, пока ты сама не сунешь и не получишь разряд. Мы с тобой на ошибках учимся, и, я считаю, это единственный действительно работающий способ. Ведь дуракам что угодно внушить можно, хоть то, что дорога эта вот, – он ткнул пальцем в усеянную мелкими камешками дорогу, по которой мы печатали шаги, – жёлтая оттого, что солнце на неё светит, и она от него цвет получает. А может, она на самом деле и не жёлтая вовсе. Вот что для тебя жёлтый?

Я в раздумьях тряхнула головой и нескоро нашлась, что ответить.

– А как объяснить? Жёлтый – он и есть жёлтый, и всё тут, – протянула только.

– Да... – согласился папа. – Наверное ты-таки права. Как же ты мне объяснишь, что такое жёлтый, если для меня это, может быть, синий? Нерешённые загадки. Странно всё это. Вообще природа человеческого восприятия – штука сложная, невероятно сложная. Человека вроде бы и отдельным миром не назовёшь, ведь все проделки сознания и подсознания – это мозговая деятельность, а мозг у всех есть, даже если в отношении некоторых это сомнение вызывает. Но в то же время ты не можешь доподлинно судить, какая она у другого, эта самая деятельность, ведь он – это не ты, и, как бы ты ни утверждал, что знаешь его как облупленного, всё-таки ты его даже наполовину не знаешь так, как знает он себя. Эх... Как много в мире непознанного. Может и ты, принцесса, – он весело щёлкнул меня по носу (ещё папа часто утверждал, что я со своими медными кудряшками, молочной кожей с розовым румянцем, апельсиновыми веснушками и зелено-карими глазами похожа на кельтскую принцессу), – совершишь какое-нибудь открытие по этой части. Ты девочка неглупая и не раздолбайка, главное, чтобы ты с этой дороги не сходила. У тебя всё-таки моя кровь, и, я надеюсь, ты больше моего добьёшься... Смотри-ка, – папа указал на наш дом, где на пороге уже стояла мама руки-в-боки. – Вот мы и пришли. Попали мы с тобой, Мёрфи, сейчас журить нас будут, – засмеялся отец, хоть и понимал прекрасно, что журить будут только его, а меня мама сама послала, чтобы вызволить его из пивного плена.

Сама мама тоже была не из числа слабых. Если уж эта женщина была в чём-то убеждена, то она ни за что бы не остановилась, пока не переубедила оппонента. Этим мама крайне сильно напоминала Лу. Отец часто не понимал, зачем она это делает, ведь «дуракам что-то доказывать бесполезно, они как бредовые больные. Что не соответствует бреду – катись оно к чёртовой бабушке», но его жене это приносило какое-то поистине мощное удовольствие. Она обожала понижать значимость зазнаек в их собственных глазах и пускай порой жестоко, но честно указывала людям на их сущность. Неудивительно, что в деревне её уважали и немножко, в рамках

дозволенного, побаивались. Мама не разглагольствовала, чем порой страдал папа, она жила под девизом «Зачем лишний раз тратить кислород, его и так мало». Но то, что она говорила, всегда было к месту. Лаконичная, точная и остроумная – так знакомые описывали маму и её речь.

Вне всяких сомнений, подобные люди определённо не будут воспитывать своих детей шаблонно. Всё, что ни делалось мамой с папой в отношении нас, было от души (хоть родители и могли поспорить о её наличии). Крестили они нас – и то под давлением бабушки с дедушкой, маминых родителей, живших на другом конце деревни. И, может быть, ещё чтобы не создавать нам в дальнейшем проблем. Но церковь по воскресеньям мы, в отличие от всех остальных деревенских граждан, практически не посещали, пусть и тут у наших папы и мамы была политика «хотите – верьте, мы не станем вас отговаривать». Они были настоящими демократами и, соответственно, дарили нам свободу буквально во всём: свободу слова, свободу мнения, свободу выбора. И это то, чем пренебрегают, к сожалению, многие родители. Я не виню их, может им так удобнее или такая система воспитания, просто я в жизни не могла себе представить, кем бы я выросла без постоянного ощущения независимости, когда за тобой не следят, когда тебя не контролируют и не говорят, что делать, а чего – нет. Я благодарна своим родителям.

В конечном итоге, была бы я без всего этого тем, кем я являюсь сейчас?

Глава 3.

Когда-то в позднем детстве мне сказали, что дружба – это разновидность любви. Смелое утверждение, но едва ли я стала бы с этим спорить. Ведь по факту это правда. Если любовь настоящая, такая, какой она должна быть, это не чистая тяга к размножению (хоть папа порой и говаривал обратное – но только когда поблизости не наблюдалось мамы). Это что-то не то чтобы выше, но по материи иное. Нечто сродни именно тому, что называют дружбой. Привязанность, тяга – всё это прилагается. Может, оттого одно так легко переходит в другое? Чёткой границы-то нет.

Не могу поднять в памяти все подробности того, как я познакомилась с Сиршей Мак-Коннор. Но она, вне всяких сомнений, была одной из тех, кто капля за капелькой наполнил котлован моего детства амброзией священного счастья. Она никогда не любила второстепенных ролей и порадовалась бы, скажи я ей сейчас, сколько она значила для моего становления, да и для меня в целом. Признаться честно и без прикрас, я иногда по ней скучаю. Бывают моменты, когда накатывает ностальгия и неизменно приходят на ум некоторые вещи, такие светлые и немного печальные, такие, от которых визжишь навзрыд, какие хочется вернуть, прожить снова ещё и ещё. И думаешь в диком смятении: «Да, пусть она здорово изменилась, пускай и не думает, и не говорит так, как раньше... Всё же это Сирша, моя старая Сирша и, чёрт возьми, если бы можно было всё вернуть, поставить на свои места, завести шарманку с самого начала, то я бы всё отдала, ей богу, продала бы душу Сатане... Пойдите, а ведь души-то нет...» И забываешься, тихо и беспокойно, поминутно вздрагивая и в остервенении растирая ладонями опухшие веки. Чтобы наутро едва проснуться, всё ещё ощущая солонатовость в горле и пойти на работу с трясущимися кистями рук и со свинцовым осадком в сознании.

А начиналось-то всё иначе. В день нашей первой встречи мне абсолютно точно было четыре. Тем утром, когда папа ушёл на прогулку с годовалым Грейди, мама не надела свои обыкновенные поношенные штаны и выдавшую виды рубашку, которые она как человек, во главу угла ставящий всё-таки комфорт, без зазрения совести таскала дома и в нашем маленьком садике. Стоило мне спуститься вниз, чтобы отправиться на пруд за лягушками, моим глазам предстала совершенно новая мама: в потрясающем летнем льняном сарафане, когда-то подаренным ей папой на день рождения, новых лёгких туфельках-балетках и с заколкой в форме золотистой птички, которая лукаво блестела чёрным, как маленький концентрированный космос, глазом-камешком в её аккуратно уложенных восхитительно красивых прямых волосах. Мама словно внезапно помолодела лет на десять, а то и больше, и теперь ей совсем

нельзя было дать её настоящий возраст. Максимум лет девятнадцать-двадцать. Как будто бы из взрослой, семейной женщины и многодетной матери, у которой обычно едва хватало времени на то, чтобы умыться, она вновь превратилась в симпатичную девочку-кокетку.

– У меня подруга приехала. Вернулась домой, – радостно ответила она на мой немой вопрос.

– Откуда? – поинтересовалась я с мыслью о том, что лягушкам, видимо, придётся подождать.

– Из Голуэя. Её муж – музыкант. Ему, понимаешь, надоело сидеть в деревне. Славу там подавай, деньги... Вот им и пришлось уехать в город. А Бонни в Голуэе не нравится, она же всё-таки сельская, природу любит. Вот она и сказала, мол, я так не могу, уезжаю, а ты уж тут как хочешь. Хочешь – сиди в городе, хочешь – домой возвращайся. Ну и уехала.

– Вот прям так? – я недоверчиво дёрнула бровью. Мне виделась невозможной даже сама мысль о том, что жена и муж могут так просто взять – и разъехаться. И жить порознь. Все семьи, которые я на тот момент встретила на своём жизненном пути были дружные, ну или хотя бы полные. «А если муж и жена живут по отдельности, считаются ли они ещё мужем и женой?» – я часто задавалась этим вопросом, но ответ на него, увы, ребёнку без опыта и необходимой базы знаний об устройстве мира и общества найти было довольно сложно.

– Прям так, – утверждающе кивнула мама. – Кстати, – вдруг предложила она, – не хочешь пойти со мной?

Если говорить совсем честно и не кривить душой, поход с мамой в гости к её подруге отнюдь не рисовался для меня радужными красками. Дело в том, что они просто сидели и взахлёб болтали, делясь океанами новостей, подискутировать о которых в повседневной жизни не позволяли домашние хлопоты, обмениваясь сведениями об успехах детей, обсуждая, наконец, погоду и школьную жизнь (мама выросла в этой деревне, поэтому здесь у неё было море школьных знакомых). Мне же оставалось только гулять по дому в поисках чего-нибудь, с чем можно было бы поиграть, и, желательно, не шуметь. Я, конечно, могла залезть в кресло и почитать что-нибудь, но за несколько часов даже это весьма наскучивает, к тому же, интересных книг дома у маминых приятелей было немного. По большей части на полках стояли разные детективы и профессиональная литература, которая никак не могла завлечь маленького ребёнка. Поэтому, порядком напугавшись перспективы потерять целый день впустую, я лишь попыталась как можно более незаметно улизнуть.

– Мёрфи, стой, – тут же пресекла мою попытку бегства мама. – Хорошо, я знаю, как тебе не нравится ходить по гостям. Но ведь тут немножко другое. Понимаешь, – она присела на корточки и аккуратно сжала мою ладошку, – у моей подруги есть дочка. Сирша. Она, к слову, твоя ровесница. И ей сейчас очень тяжело, ведь она всю жизнь жила в Голуэе, а тут её, не спросив, привезли в какое-то совершенно незнакомое место, да ещё и в деревню. Представляешь, если бы тебя сейчас вот так закинули в Голуэй или, например, в Дублин? – я наморщила конопатые щёчки, частично смирившись со своим поражением. – Ну вот. Поэтому Сирше очень-очень нужен друг, который бы её поддержал и не давал бы ей грустить, – увидев мои в одиночестве округлившиеся глаза, мама тотчас продолжила. – Да не бойся ты так. Я уверена, вы подружитесь. Сирша замечательная девочка, озорная, прямо как ты. Давай собирайся, надень что-нибудь попримечнее и идём.

Как будто я могла возразить. Мама вообще была тем удивительным человеком, с которым просто невозможно спорить – он в любом случае одержит победу. И в связи с этим я даже не стала отнекиваться, хотя идти, чего уж греха таить, не хотелось ужасно. «Ещё и девчонка эта... – угрюмо подумалось мне. – Какие-то глупости. Мама же знает, как мне трудно знакомиться. Так зачем же намеренно заставляешь?» Не без удручающих мыслей я повязала поясок своего любимого хлопкового платяца и, на ощупь нашарив на верхней полке шкафа соломенную летнюю шляпу, а затем нахлобучив её себе на голову, спустилась вниз.

Дом семьи МакКоннор предстал перед нами не то чтобы неказистым, но очень уж деревенским. В отличие от нашего, недавно выкрашенного в нежно-жёлтый и с голубой пристройкой-террасой, на это здание краски решили не расходовать вообще. Хотя может, так и было задумано, дабы древесина сохранила свою первозданную прелесть. Мало отличался от самого жилого дома и сарай на улице. В нём держали кур, и он тоже отливал буровато-коричневым, естественным оттенком, совершенно не имея, при всём при этом, окон. Честное слово, тогда мне это показалось довольно странным – по всему периметру курятника не было ни окошка, ни совсем даже маленького, ни слухового. «Как же это, – размышляла я, вдумчиво огибая сарай кругом и с каждой стеной всё больше входя в состояние диссонанса. – Вроде бы маленький домик – а без окон! Так разве бывает?»

Но, к моему счастью, в доме для людей окна были, и было даже крыльцо. И оно, вне всяких сомнений, давило своим непоколебимым авторитетом наше малюсенькое крылечко, потому что представилось совершенно, как мне тогда виделось, огромным, и, более того, оно было застеклено. Я восхитилась, вспоминая наши типичные проблемы: «Это же там может вся семья поместиться, и никому не придётся идти на лестницу! А ещё там можно чай пить или в карты играть, даже в дождь. Вот это да, а точно ли это крыльцо или всё-таки терраса?» Вроде бы, особой разницы между крыльцом и террасой нет, но я в детстве зачем-то и по каким-то непонятным мне сейчас критериям конкретно разграничивала данные два понятия.

Сама хозяйка Бронвин МакКоннор, выплывшая нас встречать, тоже оказалась женщиной немаленького телосложения. Ярко-рыжие её волосы были рассыпаны по покатым веснушчатым плечам и, в принципе, она была красива, даром, что полна. Мне она сразу же напомнила величественную деву-русалку, про которую мама накануне читала нам сказку. Её волевой взгляд, равно как и выступающий подбородок, был устремлён прямо вперёд, а в мозолистых, натруженных руках она сжимала полотенце и половник.

– Конни! – миссис МакКоннор молниеносно, насколько это было возможно, к нам подскочила и сжала в объятиях маму. – Я и не ожидала, что вы так быстро придёте, у меня вон ещё и картошка варится да торт печётся. Проходите, проходите... – она толкнула входную дверь, приглашая нас внутрь. – Не стесняйтесь, будьте как дома. Ох, да ведь тысячу лет не виделись! – причитая о чём-то, недоступном для моего тогдашнего понимания, подруги вновь обнялись и только после перешли непосредственно к разговору. – Ну давай, рассказывай. Это же не иначе как Мёрфи, да? – хозяйка дома опустилась ко мне и потрепала по макушке. Вообще я ненавидела, когда мои волосы кто-то трогал, но тут стерпела.

– Она самая, – счастливо, словно сияя алмазным блеском изнутри, сообщила мама. – Будущее светило науки, хоть пока что и сорванец жуткий.

– Ну-у-у! Это пока что! – протянула Бронвин. – Эх ведь я угадала. Хотя как же иначе? Ты ведь мне столько по телефону о ней рассказывала. Уменьшечка очень, говорила. А волосы-то какие красивые! – она ещё раз в восторге обвела пушистый нимб вокруг моей головы. – Это ей от отца, верно, достались?

– Да, от него. Тот ещё красавец писанный, – шутливо хмыкнула мама в ответ.

– Ой, будет тебе! – её подруга в уверенности замахала руками. – Твой-то ещё ничего. Вот мой: ох, не по внешности я его выбирала – это точно. У Сирши тоже от отца волосы, так они у неё морковные да прямые совсем. Эх, ещё и нос его, шнобелем. Не красотка у меня дочурка, да, но, ты знаешь, и не глупая совсем. Уж мы с мамой на неё нарадоваться не можем. А Рэйчел-то, поди, уже в школе учится?

– В четвёртый класс идём в этом году.

– Как, неужели? Эх, время летит, – миссис МакКоннор, подавшись своей поистине девической чувствительности, смахнула слезу ностальгии и обратилась ко мне. – Тебе, наверное, неинтересно будет с двумя старухами, – она засмеялась. – Иди, пока кушать не приготовилось, поиграй. Может, Сиршу найдёшь, вместе порезвитесь. А вообще, знаешь, – хозяйка указала

пальцем куда-то в сторону выхода, видимо, на задний двор, – у нас в сарае крыска есть. Настоящая, серая. Ты как зайдёшь – сразу налево, можешь за ней понаблюдать: Конни говорила, ты животных любишь. Только в клетку пальцы не суй, а то как цапнет – и полпальца нет!

Подстёгнутая страшной угрозой, я бежала в сарайчик на всех парах. Найти выход из дома было несложно, один поворот – и вот пункт назначения. Издалека я почувствовала прелый запах сена, однако совсем не затхлый. Наоборот, он добавлял участку МакКонноров некое деревенское очарование, которое мне ранее не приходилось наблюдать ни в одном доме. Да и Бронвин не была лишена какой-то незазорной простоты, поэтому находиться здесь, с этими людьми мне как ребёнку было не то что не страшно, а даже по-своему приятно.

В сарае-куратнике был полный аншлаг. Куры, казалось, были повсюду, они обступили меня стеной, когда я, спрыгнув с ограды на мягкую соломенную подстилку, зашла проверить, как у них дела. Одни просто выжидающе буровили меня янтарными дисками глаз, видимо, в надежде на свежую еду. Иные начинали клевать носы моих зелёных, как клевер, резиновых сапожек. Я засмеялась от щекотки и опёрлась на низенькую дверь с защёлкой, которая отделяла курятник от собственно сарая и заодно внешнего мира.

– Отчего же вас нельзя выпустить погулять? – высказала мысль вслух.

Куры в качестве ответа озабоченно закудахтали и встряхнули мясистыми, лоснящимися перьями.

– Резвиться бы вам, как и всем другим животным, – меж тем продолжала я. – Вот мы, люди, свободные, а между прочим тоже животные, так папа говорит. А вы ведь на нас похожи, вон даже на двух ногах ходите. Так почему я сейчас могу сбегнуть, куда вздумается, а вас тут держат, а?

Внятных слов со стороны птиц снова не последовало, поэтому мне оставалось только во второй раз перемахнуть через заборчик и вспомнить наконец, зачем я вообще сюда пришла.

Он был тут. Так близко я видела мышь в первый раз в жизни. Дома из-за маминой любви к чистоте обычно даже в воздухе не висело ни пылинки, поэтому то, что в нашем доме грызуны не водились, было очевидно. Но в том сарайчике я впервые познакомилась со своей будущей любовью, с ангелом моей ребяческой души. Крыска, такая большая, серенькая, с длинной гладкой шёрсткой и тоненькими, вечно дрожащими усиками, сидела в довольно просторной самодельной клетке. Зверёк по-хозяйски уложил похожий на удава розовый хвост рядом с собой и глазками-бисеринками лениво наблюдал за моими перемещениями. Правда, было похоже, что он совсем не настроен со мной общаться, таким снисходительным взглядом смеривала эта крыска всё окружающее пространство.

– Эй! – я тихо, чтобы не спугнуть, позвала животное. То дёрнуло ухом и повернуло симпатичную мордочку в мою сторону, мол: «Я слушаю, говори».

– Меня Мёрфи зовут, а ты кто будешь? – имея печальный опыт общения с братьями нашими меньшими минутой ранее, я приняла решение даже не дожидаться ответа. – Я очень мышей люблю. Поэтому ты меня не бойся, кошке не скормлю, и сама не съем, – после недолгой паузы я заметила-таки, что собеседник мой опять же не свободен. Но если насчёт кур у меня ещё имелись кое-какие соображения, то здесь уж я посчитала клетку чистой воды несправедливостью. – И тебя взаперти держат? Но зачем? Разве не прелесть, когда можешь пойти, куда хочешь? Почему вас всех так любят запирают в четырёх стенах? Мы ведь так даже познакомиться как следует не можем, – как высшей лиги борец за права животных, я незамедлительно приняла единственно верное в данной ситуации решение. – Хочешь, я тебя выпущу? Будем вместе играть.

Крыс флегматично повёл носом и зажевал зёрнышко, однако, заметив, что я потянулась к дверце клетки, внезапно оживился. Но едва подушечки моих пальцев огладили выступающую задвижку, плотный, пропитанный природным запахом сарайный воздух как будто трягнуло судорогой.

– Не трогай! – резковатый детский голосок с входной двери заставил меня дёрнуть головой в сторону звука и резко, прыжком, подняться на ноги.

По дощатому полу простукали не впору большие, видимо, родительские галоши и в нерешительности остановились прямо передо мной. Это оказалась маленькая, примерно моего возраста, девчушка, из-под ярко-рыжих волосиков которой на меня глядели два сверкающих в полутьме светлых глаза. Она была ни капли не похожа на мать, а нос её, довольно большой, усыпанный веснушками, словно солнышко его миллион раз поцеловало, точь-в-точь как у Грейди, чуть-чуть подрагивал, и это выдавало тот факт, что девчонка всё же меня побаивается.

«Сирша», – промелькнуло в голове.

– Не трогай, – ещё раз с деланной твёрдостью произнесла рыжая, но голос её предательски сорвался. – Это мой.

Я чуть было не взвилась к полочку от такой наглости – вот ещё, мелочь какая-то, а приказывает. Да какое она имеет право?

– Пфуф, – максимально высокомерно фыркнула я. – Это ещё почему? Ты что, тут самая главная?

– Да, главнее меня только мама и бабушка, – осклабилась та. – А ты только в гости пришла, так что должна меня слушаться.

Глаза мои от злости начали медленно закатываться под череп. «И мама сказала мне с ней дружить? Она с ума, что ли, сошла? – я мысленно выразила горячее возмущение. – Да я лучше червя съем, чем стану с этой гадушкой общаться!»

– Ещё чего! Слизняки в саду будут тебя слушаться, а я вот захочу – и хоть прямо сейчас палец в клетку просуну, – почему-то мне жгуче захотелось заявить Сирше о своей независимости, и как будто бы в доказательство я продемонстрировала девчонке указательный палец.

– Ну и дура будешь, – неожиданно для меня, уже мобилизовавшей ресурсы для кровопролитной войны, пробубнила незадачливая собеседница и отвела взгляд в стену. – Смотри, – она резко взмахнула рукой и перед моими глазами предстал длинный мизинец, на фарфоровой кожице которого расположилась внушительная царапина. – Вот как он меня.

– Ого, – я (и почему так могут только лишь дети?) мигом стёрла из памяти всё, что было меж нами ранее и теперь с восхищением разглядывала боевое ранение. – Это они так могут? Не обманываешь?

– Угу, могут, ещё как, – кивнула та. – Поэтому... Ну... Не надо лучше, – тихо повторила «главная». Голос её стал напоминать больше свистящий шёпот и тут уже любой бы заметил, что девочке вообще-то страшно неловко. Даже я, полминуты назад убить Сиршу была готовая, в тот момент отметила для себя невероятно милый румянец, заливший, подобно зареву заката, всё её длинное, но внешне смотрящееся вполне гармоничным личико.

И в считанные мгновения я вдруг перестала испытывать к ней какую-либо злость. Только жалость. «Ведь, – мне вспомнились слова мамы, – её силой привезли из Голуэя. Как из другого мира. Разве я после такого вела бы себя лучше?»

– Ладно, – я кашлянула и медленно двинулась на свет, Сирша, как ни странно, пошлёпала следом. «Надо заключить мир, – сказал дяденька-политик у меня в голове. Папа каждый вечер с эмоциями, достойными оscarоносного актёра, перебивал таким дядям косточки, посему я очень немало, в особенности для своего нежного возраста, разбиралась в играх на мировой арене. – Нам определённо нужен мирный договор!» – Может, всё-таки не будем ссориться?

– Давай, – робко отозвалась девочка. – Меня Сирша зовут, кстати, – прошептала она тем же еле слышным дуновением, но уже несколько более уверенно, что в немалой степени облегчило дальнейшее налаживание контакта.

– Мёрфи, – я остановилась и деловито, с ощущением важности момента протянула ей руку. Так обыкновенно поступал папа при знакомстве, и я думала, что люди как раз с помощью этого становятся друзьями.

Сирша, не изменяя своему излюбленному эффекту неожиданности, вдруг вцепилась в мои пальцы так, словно испугалась, что я вдруг исчезну.

– А я знаю, – она расцвела лучистой улыбкой и быстро-быстро затараторила. – Я много чего про тебя знаю, мне мама рассказывала. Ты только извини, что заругалась, я правда хотела подружиться, но не знала, как. Я сидела наверху, слышу – мама говорит, в сарай иди. Ну я сбежала – и туда же. А там ты. А я стою и что сказать – понятия не имею...

– Да всё хорошо, – я отмахнулась и хлопнула собеседницу по плечу в знак того, что извинений не требуется. «Прощу я тебя конечно, что делать. Но зачем так оправдываться? Ей богу, я тебе как будто голову сейчас откушу за какие-то там слова», – от подобных мыслей почему-то стало смешно, и я, мелко трясаясь, захихикала. Сирша в непонятках склонила голову набок, а глазах её промелькнула тревожная нотка.

– Ты чего?

– Так, – я перевела весёлый взгляд на неё. – Не бери в голову. Конечно, я тебя прощаю. И ты меня прости, – выждав паузу, я решила заключить и поставить наконец на мирный договор свой автограф. – Будем друзьями?

– Будем, – ни секунды не сомневаясь, подтвердила та.

Так в тот летний день где-то в середине июня 1980 года я обзавелась своей первой и, пожалуй, единственной подругой детства. Интересен ещё и тот факт, что крыску мы тем же вечером из клетки всё-таки достали. Ну точнее, я достала. И, к слову, под тревожным взглядом Сирши и автоматной очереди из её предупреждений мышь легко пошла ко мне на руки. В итоге я весь вечер ходила счастливая, как выигравший в лотерее, передвигаясь исключительно аккуратно, чтобы ненароком не стряхнуть зверька с плеча. А миссис МакКоннор, в восторге от того, что мы с Сиршей поладили, объяснила мне, что питомца зовут Тимми и угостила замечательным слоёным тортом...

В общем и целом, теперь в доме номер два по нашей улице у меня было целых два друга. «Можешь приходить к нам, когда захочешь, – твердила мне Бронвин, когда мы под аккомпанемент моего нытья покидали их гнёздышко. – Хоть в четыре утра. Ну что же ты плачешь? Говорю же, хоть завтра приходи, мы будем тебя ждать». Думаю, ей, как человеку, который всё детство провёл бок о бок с моей мамой, было отрадно понимать, что дочери лучших подруг, почти сестёр, Бонни и Конни тоже сдружились и, возможно, так же, на всю жизнь.

К сожалению, так получилось, что не совсем на всю. Мы долго не общались, очень долго, и безвозвратно потеряли всё былое. Но справедливости ради скажу: когда мы встретились лет в двадцать пять, никакой неловкости, да хоть малейшего намёка на неё не было в помине. Мы вспоминали детские проказы, наши пижамные вечеринки и в целом общались так, словно и не было той разлуки длиною, казалось, в вечность. Может, поэтому говорят, что действительно хорошие друзья не забываются?

Так или иначе, Сирша МакКоннор сильно повлияла на моё детство и, пожалуй, через него на всю последующую жизнь. А именно: она придала этим беззаботным временам тот самый острый колорит, своего рода привкус, которого хочешь добиться, когда, например, сыплешь в кофе корицу. Моя подруга тоже, почти что наравне с семьёй, была одной из тех, кто сделал непомерно много для моего становления. И, пожалуй, в немалой мере от неё я некогда приняла тот венец, что называют Счастьем.

Глава 4.

Самая сложная, пожалуй, дилемма детства – это вопрос «Кого ты больше любишь: маму или папу?»

Иногда, конечно, так получается, что дети дают определённый ответ. И я даже встречала подобных людей в жизни, однако эти персоны не вызывали у меня ни капли животной зависти. Напротив, такое тянущее и чисто человеческое сожаление. Ведь я, как никак, придерживаюсь мнения, что стать личностью (именно личностью в её общественном понимании) ребёнок

может только имея базу с двух сторон. Причём, равноценную. То есть одно не должно перевешивать другое. А если маленький человечек уже в свои неполные шесть лет может смело заявить, что папу он, например, любит больше, чем маму, или наоборот, то о какой вообще равносильности может тут идти речь?

Я, как и большинство представителей расы человеческой, выросла в такой семье, что вопрос «Кого ты больше любишь?» оборачивался для меня лишь лавиной непоняток. Я и до сих пор не могу чётко решить, кто в большей мере повлиял на меня, моё воспитание и всё такое, всё прилежащее. Мама, папа... Зачем вообще выносить окончательный вердикт? В конечном итоге, что от этого поменяется? Разве что я опять навру сама себе, ведь чёткого ответа не существует.

Так или иначе, мне предельно ясно запомнился один случай. Летняя ночь, одна из тех, когда ты не можешь заснуть, потому что нежные Зефиры лобзают твои пятки, так неловко высвободившиеся из плена одеяла, а из приоткрытого окошка до ушей доносится шёпот ветвей старого дуба и ноздри щекочет такой сладкий, поистине июньский запах. Вообще, как мне кажется, июнь можно охарактеризовать именно медово-травяным ароматом с небольшой примесью дымка и свежего грозового озона. Вечером, когда, бывало, сидишь на террасе и то ли разговариваешь с кем, то ли просто строгаешь наконецник копы для завтрашней игры в охотников – тогда запах июня становился наиболее ощутим. Он охватывал тебя всего и завлекал в свои тёплые, прогретые долгожданным солнцем объятия. Над дорогами, автомобильными и пешеходными, ещё не начинала скапливаться летняя жёлтая пыль, дышать было легко, а о жаре не заходило и речи. И эта граница между весной и летом была, наверное, моим любимым временем в году. Ведь фактически ещё стоит май, и ещё совсем свежо, и льют порой проливные дожди, но в то же время ты совершенно свободен. Ни школы, ни обязанностей, какое там. А поля совсем скоро покроются гудящим океаном вереска с хрупкими и гибкими розовыми, лиловыми, фиолетовыми стебельками и россыпями сотен тысяч крохотных, беззащитных цветов.

В одну из таких восхитительных ночей, когда мне было шесть, и я наслаждалась последним летом перед школой, к нам в спальню часа в три ночи на цыпочках вошёл папа и легонько тронул меня за плечо. Спала я поверхностно, поэтому тотчас открыла глаза и недоумённо на него посмотрела.

– Вставай, засоня, – заинтригованно и лукаво, как мальчишка, улыбаясь, шепнул отец. – Самое интересное проспидишь.

За окном были ещё только лёгкие, подобные налёту, летние сумерки, от чего вопросов у меня только прибавилось.

– Что проспидишь? – не вполне оправившись от грёз, пробормотала я.

– Рассвет, ясное дело. Давай, оденься как следует, и я буду ждать тебя внизу, – папа сдёрнул с меня одеяло, чтобы не было никакого шанса заснуть обратно. Да на самом деле, уже не так и хотелось. «Подумать только, – размышляла я. – впервые в жизни встречу рассвет». По правде говоря, я и раньше, буквально пару недель назад, порывалась провести такой эксперимент, однако мама чуть что погнала меня в постель, и я, как назло, моментально уснула. А тут – такой шанс. Как же упустить?

Я живенько вскочила, тихо, чтобы не разбудить Грейди и Марти, переделалась в удобные спортивные штаны, накинула курточку и, притворив дверь, выскользнула в коридор.

Шли в полном молчании. Что вообще-то было совсем нехарактерно для папы, ведь, как часто о нём отзывались недруги, «балабол он был знатный». Отец вечно находился в том состоянии, когда ты готов хоть придушить собеседника, лишь бы последнее слово осталось за тобой. Да и болтовню просто так, для удовольствия, папа с удовольствием поддерживал. Но, как ни было бы то необычно, тем безлюдным ранним утром, когда солнце на небе только намечалось, а погода стояла на удивление хорошая, из папиных уст не выпало ни словечка. Только когда

мы миновали черту, условно называемую границей деревни, и вышли на бесконечные сонные луга, которые прямо под нашими ногами вздымали кверху травянистые животы и, казалось, неслышимо похрапывали, в колючем росистом воздухе впервые зазвучал мой голос.

– Пап, а куда мы идём? – конечно, у меня роились смутные предположения, однако любопытство было сильнее.

Отец словно оторвался от своей медитации и перевёл взгляд из пустоты на моё вполне реальное лицо.

– В холмы, – бодро отозвался он и обвёл ладонями синеватые силуэты близлежащих гор. – Видишь, вся наша деревенька, да и город тоже, как в кольце. Это не просто так природой сделано – оттуда всё-всё как на ладони.

– Прямо-таки всё? – в моих словах проскользнуло недоверие. – Вся Ирландия? Или даже Земля?

Папа рассмеялся и обхватил мои пальчики своей горячей, точно как его кровь, большой и загрубевшей от постоянной работы ладонью, дабы я ненароком не плюхнулась в болото.

– Ну это ты, конечно, загнула – Земля, Ирландия... Нет, на такое эта смотровая площадка не рассчитана. А вот город, деревня, железная дорога, луг... Вся долина прямо под нашими ногами. И рассвет оттуда как видно! – он в предвкушении цокнул языком. – Сказка!

Я пожала плечами и вскарабкалась на массивный, поросший мхом валун – от моего внимания укрылся даже момент, когда мы успели добраться фактически до пункта назначения.

– Ну и что же нового? Деревню, город и луга я уже видела. Мы с Грейди везде были.

– Поверь, при таком тебе присутствовать ещё не приходилось, – многообещающе заявил отец, вонзив указательный палец прямо в желеобразное нутро чернично-вишнёвого неба.

Преодолев довольно страшный, поросший густой растительностью овраг, где, по охотничьим слухам, водились олени, мы, аккуратно ступая по древней, полуразвалившейся каменной тропе, добрались до первого выступа.

– Ого, – я в восхищении отодвинула локтем нависавшие отовсюду гибкие ветки плакучих ив. Вид с каменного гиганта, куда мы взобрались, открылся невероятно красивый, чего бы я там себе ни напридумывала: распаханное поле, небольшие лесочки, бывавшие вообще редкостью в этих краях, ранние, совсем ещё сонные машины, скорее всего спешащие из Голуэя, небольшие посёлки, маячившие вдаль разнокалиберными крышами... Отсюда было видно другую сторону нашей долины, ту, которая раньше оставалась для меня загадкой, ведь мы никуда толком не выезжали, да и в холмах гулять было нежелательно. Теперь же я имела хоть какое-то зрительное представление о том, что происходит *снаружи*, и мне показалось даже удивительным, что там нет вообще ничего необычного. Даже другого, не такого, как у нас. «Такие же дома, та же дорога и луга те же самые... Хотя, – я решила размышлять справедливо, – чего я ждала, когда как не этого? Ведь все мы живём в одной стране, почти что рядом. Так на что тут можно было надеяться?» Но даже это своего рода маленькое разочарование никоим образом не подпортило всю прелесть момента. Ведь обзор действительно захватывал дух. Стоя здесь, на зелёном уступе, улетавшем ввысь, казалось, на сотни метров, ты ощущал себя не иначе как Богом. Тем самым, который всё видит и всё может. Который сам создал этот крошечный мирок и запрограммировал все процессы, чтобы они текли так и никак иначе.

– Здорово, правда? – я, объятая кардинально новыми ощущениями, даже сначала не услышала голос отца из-за спины. – Говорил же, тебе придётся по вкусу. Только не расслабляйся, – на этих словах я встрепенулась и наконец обернулась полностью. – Это ещё не финиш.

– А где же тогда финиш? – мои глаза сощурились.

Папа пробежался глазами по окружавшей нас панораме, для большей точности сверился с наручными часами, и лицо его вдруг приняло озабоченное выражение.

– Ох, чёрт, – оставив вопрос без ответа, он схватил меня за запястье и чуть ли не силой выволок из объятий деревьев, кустов и невесомого сумеречного духа. – Скорее. Если не потопимся – рискуем опоздать, и тогда всё будет насмарку.

Отец, такой большой, сильный и мускулистый, сейчас, почти как горный козлик, ловко скакал по камням всё выше и выше, я же из последних сил старалась за ним поспевать. И, вроде бы, у меня почти получилось нагнать папу, но тут ноги как назло меня подвели. Кеды, которые я непредусмотрительно надела, оказались жутко скользкими, и при каждом шаге то и дело норовили сбросить меня куда подальше. И именно в тот момент они почему-то решили показать себя во всей красе. Стоило мне ступить на очередную импровизированную ступеньку, носок мой предательски поехал в неведомые дали, и я совершенно неэстетично шлёпнулась плашмя, разбив при этом коленку.

От моего вопля, наверное, проснулись и подумали о надвигающемся конце света не то что все птицы, но и люди по ту сторону холмов. Было очень больно, я лежала, ощупывая пальцами уже ставшую влажной рану и не видя возможности встать, когда ко мне откуда-то сверху подлетел не на шутку встревоженный папа.

– Господи, как ты умудрилась? – он сел на корточки и, подхватив за подмышки, попытался привести меня в сколько-нибудь вертикальное положение. – Сильно болит? Идти можешь?

Я не отвечала, только смотрела в сторону, а глаза мои меж тем всю слезились. И из-за этого было дико стыдно, ведь я всё-таки была уже взрослой и ничуть не плаксой. Колено болезненно ныло и конденсировало на себе кровавые капельки, подобные сверкающим в пред-рассветной заре рубинчикам, но я решила терпеть, вот ещё.

– Мёрфи, – папа с укором, однако не без явной нервозности, заглянул мне в глаза. – Не глупи. Ответь. Вдруг у тебя перелом? А если не скажешь, то нога может срастись неправильно и кривой стать. Не поскачешь тогда уж по камням-то.

– Ничего у меня не перелом! И ничуть не больно! – резко, с жаром выпалила я. – Дурацкие кеды!

Отец по-доброму усмехнулся.

– Вижу я, как тебе не больно. Ну, давай сюда своё колено, – он достал из кармана штанов чистый носовой платок в голубую клетку и промокнул им рану. – Держи так, герой.

– А я не плачу! И идти тоже могу, вот! – я держалась гордо, но платок всё же приняла.

– Не плачешь, это молодец, – папа взъерошил мои тогда ещё недлинные, свалывшиеся за ночь вихры и, поразмыслив с секунду, вынес предложение. – Слушай-ка, садись лучше – я тебя довезу, – он повернулся спиной и поставил руки таким образом, чтобы мне удобнее было вскарабкаться к нему на спину.

Но я оставалась непреклонна.

– Нет! Нет-нет-нет! Я сама, – и, прихрамывая и стиснув зубы от ощущения, словно мою ногу кто-то снова и снова полусует лезвием, я поковыляла по камням. Однако и папа не соби-рался так просто отступить. Он снова встал передо мной и спешно объяснил:

– Да дело не в этом. Я вижу, что ты очень мужественно себя ведёшь. Ты умница, это понятно. Просто так мы точно нес скоро доберёмся, а посмотри, – кивок в сторону намечаю-щейся вдаль, у горизонта, пламенно-лиловой зари, уже настоящей, – совсем скоро рассвет. Давай, отбрось на время все принципы и скорее садись.

Крыть было нечем. Всё, что мне оставалось – это не без боли взобраться на отцовскую широкую спину и, придерживая одной рукой платок, а второй – обнимая папу за шею, подобно настоящему рыцарю с боевым ранением, поскакать к вершине.

Успели как раз вовремя. Стоило мне только спустить ступни на густую траву, сплошь покрывавшую всю площадку, куда мы прибыли, наша лоцина озарилась первыми несмелыми, как бы прощупывающими границы дозволенного лучиками восходящего солнца. Они появ-

лялись постепенно, словно облизывая всё на своём пути, издалека, откуда-то со стороны тех поселений, что наблюдались нами ранее. Если же брать в расчёт саму долину, то я и папа оказались одними из первых объектов, попавших под постепенно распалющееся солнце. Стоит ли говорить: это обстоятельство привело нас в неопиcуемый восторг!

– Хэхэ-э-э-й! Лю-ю-ю-юди!! – кричал папа. Нас всё равно никто бы не услышал. Ведь те, кто уже не спал (а таких в выходной день было очень и очень мало), вряд ли пошли бы сейчас на прогулку в холмы. А если бы кто и услышал – что же, пусть. В конце концов, чего стесняться, когда торжество под острой приправой юности души так и рвётся наружу, заставляя любить всех, весь мир вокруг?

– Мы первые! Первые! – вторила отцу я. Осознание того, что мы одни такие безумные, которые спозаранку упорхнули невесть куда, чтобы встретить рассвет, будоражило мою детскую кровь и заставляло только сильнее пылким, молодым сердцем влюбиться в жизнь. Про коленку я напрочь забыла и прыгала, танцевала, заливаясь счастливым смехом и чувствуя себя совершенно превосходно.

– Посмотри, – папа подхватил меня на руки, невзирая на то, что мне уже шесть, и я довольно тяжёлая. – Вон там, – могучий палец перед моим лицом указал в самую гущу деревни, туда, где...

– Наш дом! – ахнула я в ещё большем восхищении. Жёлтенький, яркий, он выделялся среди по большей части белых и коричневых деревянных построек и выглядел, словно канарейка в стае воробьёв. – Там, наверное, сейчас мама спит.

– Уповаю на это, – хмыкнул папа. – Ей-то мы не сказали, куда идём. Ох и влетит же нам, если до будильника не вернёмся. Небось, весь дом на уши поднимет и сама перенервничает.

Отчего-то кадр с отчитывающей нас мамой вместо вполне оправданного страха вызвал у меня лишь новую волну хохота. Я, переполненная новыми потрясающими впечатлениями, заливалась, отчаянно трясясь, прямо у папы на руках, а он, не сумев устоять, скоро тоже подхватил от меня смешинку. Так мы и стояли, нет, парили надо всем нашим крохотным-громмадным миром, поминутно тыча в какое-нибудь здание пальцем и предполагая, что же там может делаться. Я и папа общались словно старые друзья, хотя кем, как не ими, мы являлись? Машины на дороге встречались нашим радостным улюлюканьем, а когда по рельсам заколесил привычный товарняк, мы и вовсе зашлись в срывающемся на визг «Чух-чу-у-у-ух!». И самым приятным во всей этой обстановке было то, что я и папа на этой живой стене были абсолютно, совершенно одни, и никто в целом мире не мог вмешаться и прервать момент триумфа двоих отчаянных скалолазов Хьюго и Мёрфи Уолшей.

Когда мы немного отошли от эмоций, папа поставил меня на землю и гордо, как будто это были его владения, а он был король, изрёк:

– Вот она, волшебная сила природы! Восторженная, трагичная, ввергающая в панику – одним словом, величественная! Она плачет – значит, и ты заплачешь. Она смеётся – и ты будешь смеяться. А что делать, куда деваться? Всё-таки природа всеильна, – выждав с минуту, отец продолжил. – Да хоть туда вон глянь, – он ткнул пальцем в руины старой, поросшей пушистым, сочным мхом, наверное, ещё древнекельтской крепости. – Вроде бы хотят люди подчинить себе природу. Ан нет, берёт хозяйшкa своё! Всё-таки вот, видать, кто владычица земного шара. Не зря её матерью зовут – и есть ведь мать всего живого.

– И наша? – спросила я, изучая уже совсем посветлевшее, прозрачно-голубое высокое небо с редкими перистыми облаками.

– Выходит, что так. И всех животных, и растений, и грибов, и микробов у нас с тобой на руках. Ведь и они, пусть маленькие, а всё – живые.

– Вот это да, – я опёрлась на шершавый, холодный с ночи большой камень, который украшал наш смотровой пункт. – Получается, что и мох вот этот, – моя рука бережно обвела

хрупкие стебельки, произрастающие из самого сердца валуна, – мой брат? Чудно как-то, – заключила я и вновь засмеялась.

Жаль, что я тогда, будучи несмышлёным ребёнком, не имела никакого понятия, насколько большую роль сыграет это место в моей дальнейшей судьбе.

Домой мы с папой брели уже совсем утром, сонные, но страшно довольные. Обратная дорога, как оно обыкновенно и бывает, показалась гораздо короче и легче пути ввысь, и потому идти было легко, к тому же нога моя почти не давала о себе знать, лишь иногда отзываясь неприятными покалываниями на особо грубую поступь. Когда мы снова пересекали луга, ловко лавируя между болотами, я задала внезапно пришедший на ум вопрос:

– Кстати, а почему ты взял меня? Ладно Грейди и Марти, они маленькие, но ведь есть Лу и Рэй. Почему меня? Ещё и одну?

Папа смерил задумчивым взглядом приближающиеся домики.

– Я толком и ответить-то не могу. Ты, Мёрфи, – это просто что-то другое. Не подумай, что остальных я люблю меньше, нет, – поспешно добавил он. – Просто по-другому. Всех вас мы с мамой любим по-разному. Ни меньше, ни больше. Ведь каждый из вас – индивидуальность, а согласишься, сложно любить людей одинаково, когда они совсем не похожи друг на друга. Вот так. А всё же мы с тобой так много вместе пережили...

Тогда я думала, что однозначно поняла, что он имеет в виду.

Уже перед самым домом я и папа с облегчением заметили, что занавески спальни на нижнем этаже были задёрнуты, а значит, мама ещё спала. Так же, как и вышли, как ниндзя, мы просочились в прихожую и, плотно притворив дверь, скинули наконец влажные от росы куртки с налипшими поверх листьями. Спать, как ни странно, уже не хотелось, поэтому мы, протопав напрямиком на кухню, принялись рыскать в холодильнике и по шкафчикам в поисках завтрака. Не отыскав ничего со вчера, папа принял безоговорочно одобренное мною решение сделать свои замечательные фирменные бутерброды (берёшь белый хлеб, режешь его вдоль, мажешь кетчупом, майонезом или горчицей, а лучше – всем сразу, сверху кладёшь салат, помидоры, огурчики, колбасу, посыпаешь тёртым сыром, несколько минут в духовке – и вуаля, вкусный перекус готов).

– Слушай, – подала я голос, наблюдая, как подрумянивается корочка у мягкого хлеба и как потихоньку плавится сыр в духовом шкафу. Мне в голову пришла идея, и страшно хотелось ею поделиться.

– А? – отцовские карие глаза встретились с моими, зеленоватыми.

– Я тут подумала... Давай назовём то место Страной солнца? Просто мне кажется, оно именно там живёт. Там и на душе светло сразу становится.

Папа качнул головой.

– Почему нет? В конце концов ты права, где ему ещё жить? А там и тепло, и удобно, и камень такой замечательный. Точно, хорошо придумано, – он выставил вперёд руку с большим пальцем вверх. – Выходит, теперь это у нас Страна солнца.

– Ага, – довольно кивнула я и тут же ланью вспрыгнула на ноги, взволнованно подскочив к отцу с просьбой. Даже не знаю, что на меня вдруг нашло. – Пообещай мне, пожалуйста.

– Что? – папино лицо при виде моего тоже стало немного встревоженным.

– Что мы никогда-никогда отсюда не уедем.

– В смысле, из долины?

– Да, – и, осмотрев дом вокруг, я прибавила. – И из деревни тоже, – и папа без колебаний обхватил мой протянутый мизинчик своим.

– А куда нам ехать? Что с тобой делать, обещаю.

Глава 5.

Честно говоря, я не встречала ещё ни одного человека, который не любил бы такой праздник, как Рождество. А в детстве оно, как правило, воспринимается ещё более ярко и соответ-

ственно, более волшебно. Предрождественская суэта, когда закрываются магазины, и мы, разумеется, отложив все покупки на самый последний момент, с огромными пакетами и в дикой спешке скачем от одной лавочки к другой, те редкие деньки, когда прекращается дождь и может даже выпасть снег, и – куда же без него! – Санта Клаус на волшебной оленьей упряжке и всегда с подарками для тех, кто весь год вёл себя хорошо (ну или хотя бы сносно).

А если по факту, наша семья была одной из тех немногих, кто больше радовался Новому году. В особенности, папа. Просто ни для кого не секрет, что Рождество – это праздник семейный, поэтому оно из года в год становилось прекрасной подоплекой для вторжения в логово Уолш маминых родителей. Нет, мы как дети не имели абсолютно ничего против, ведь бабушка каждый раз приносила свой восхитительный пудинг (она была настоящим асом в готовке), а у дедушки в сумке всегда находился большой пакет конфет для любимых внуков. Но вот для папы прибытие старшего поколения на территорию нашей крепости равнялось катастрофе, ведь это, без сомнений, означало, что долгожданные выходные медленно, но верно накрываются для него медным тазом. И тяжкие думы посещали отца неспроста – бабушка на протяжении всего праздника не упускала ни одного шанса подколоть или осудить его, будь то хоть слишком громко ударившаяся о тарелку вилка или сторовшая индейка. В один прекрасный момент мне даже начало казаться, что любимая её фраза – это «Конни, ну и за кого ты замуж вышла? Ничего ж не умеет, пропащий человек». Хорошо, что у мамы тоже не была кишка тонка, и она, пусть иногда резко, то и дело осаждала бабушкин поток красноречия и вставала на защиту мужа. Дедушка в этом плане вёл себя лояльнее, будучи человеком по натуре пусть не мягкотелым, но всё же добрым. Он, в отличие от жены, не питал к папе никаких негативных чувств и даже часто выходил с ним покурить. За что же бабушка так невзлюбила отца – сказать трудно. Может, из-за своей излишней педантичности, которую папа на дух не переносил, может, из-за того, что у них слишком сильно не сходились мнения по поводу различных вопросов. Не мне, в любом случае, судить. Но факт таков – в Рождество, в этот светлый, ангельский праздник, обстановка в нашем доме неминуемо накалялась.

То ли дело Новый год! Тогда и пабы бывали открыты, и магазины работали, и бабушка не радовала папу своим присутствием. Мама, организованно взяв всех нас с собой и отправив мужа к друзьям, сама ходила навещать родителей через всю деревню, благо, путь был близким. И вот этот ужин, в отличие от рождественского, проходил как по маслу. Никто не ругался, не спорил, ничего никому не доказывал. Одним словом – сказка.

Вдобавок, в наш любимый праздник мы ужинали дважды. По приходу домой, когда уже начинало смеркаться, нам предстояло ещё и приготовиться к семейной трапезе – запечь гуся, достать приготовленный заранее сид-кейк и под всеобщие овации водрузить его на стол, сварить картофельное пюре на гарнир (у мамы оно всегда получалось просто замечательным – воздушным, как облака, молочным и очень-очень вкусным, без единого комочка, таким она была перфекционистом), слетать в магазин за несколькими большими коробками сока, которые в канун праздника найти было не очень то и легко, да разграбить запасы Лу, пока он не видит. Дело в том, что наш старший брат до безумия обожал сладкое и на протяжении каждого года старательно складировал купленные на карманные деньги конфеты, батончики, шоколадки и печенье в дальнем ящичке шкафа, за одеждой, видимо, на чёрный день. И однажды тайничок совершенно случайно заметила Рэй. Она ждала до самого праздника, несколько месяцев (вот уж где настоящая сила воли!) прежде, чем доложить обо всём «штабу младших», то есть донести сладкую новость до меня, Грейди и Марти. Мы, к сожалению, выдержкой как у старшей сестры не отличались, поэтому немедленно составили план захвата и раскулачивания. И в итоге так уж получилось, что тот самый чёрный день, к которому Лу так старательно готовился, наступил в Новый год, потому что мы вчетвером, терпеливо выждав, когда старший уйдёт из дома, с голодом диких волков набросились на его сбережения. Когда же на грохот, топот и дружное шебуршание в «штаб старших» наведалься мама, она застала просто формен-

ную идиллию: её дети, все чумазные и в крошках, ровненько усевшись вокруг горы сладостей, призывают Сахарного духа. Ну, так могло показаться со стороны, мы-то, объевшись до рези в животах, просто медитировали, а точнее, буровили жадными взглядами оставшиеся вкусоности, на которые, увы, в нас уже не хватало места. Комната тогда выглядела знатно: фантики и обёртки валялись разноцветными конфетти буквально повсюду, ведь мы в порыве поистине животного голода даже не смотрели, куда их швыряем. Какой-то смельчак даже посягнул на кровать Рэй, неприкосновенную святыню, на которой сидеть-то лишний раз запрещалось, дабы не смять покрывало. Однако старшая сестра махнула рукой и устраивать кровавые разборки не стала – во-первых, она была сытая и потому довольная, и во-вторых, как тут найдёшь виновника, когда он, скорее всего, даже не в курсе, что что-то натворил? Да и наконец, стоит ли оно того?

Как бы то ни было, мама нас, что удивительно, ругать не стала, наоборот, удивилась Лу, который всё это время так спокойно сидел на несметных богатствах, и заявила, что это даже правильно, что мы его раскулачили, ведь он всё равно один столько был не съел. Она сгрела в подол все не поместившиеся в наших бездонных желудках сладости, и заручилась отнести их на праздничный стол, когда внезапно подала голос маленькая Марти:

– Разве мы не могли просто попросить?

Мама на это только усмехнулась и покачала головой.

– Не думаю, что он бы дал. Ты же знаешь Лу: тот ещё актёр – талантище! Как сделает невинное лицо, как притворится – вот, мол, и нет у меня ничегошеньки – ты и поверишь. Нет уж, – деловито заключила мать, жуя мармеладку. – Как говорится, накопил – теперь делись, – И уже в коридоре она шутливо прибавила. – А ещё за вас, юные борцы за справедливость, сейчас такая битва на мировой арене начнётся!

– Ай! Это ещё почему? – отозвалась Рэй, потирая запястье, за которое Грейди усердно тянул в попытках поднять сестру на ноги.

– Ну, вы – те самые, кто сумел построить настоящий коммунизм.

И наши пиры продолжались вплоть до того самого момента, как Лу поступил в колледж и съехал от нас. Потому что хоть он и был блестящим хранителем секретов, хоть и мог ограбить главный банк страны и при этом не выдать себя одним лишь неловким движеньем, но с вниманием у брата явно не заладилось, так как он не замечал ничего, совсем ничего, просто продолжал из года в год копить сладости, которые не смог съесть в течение дня. Конечно, под Новый год набиралась немаленькая такая кучка и мы четверо, покатываясь со смеху, бесшумно выгребали её из недр шкафа и относили на стол, предварительно набив себе полные карманы. Лу же, тем не менее, обстоятельство «чего-то там знакомого» на столе вообще не смущало, так как он, видимо, думал, что в его отсутствие мы успели ещё раз добежать до магазина или откопали оставшиеся ещё с Рождества залежи. Регулярное опорожнение тайника тоже благополучно проходило мимо его глаз, и потому вся остальная семья радовалась и пользовалась ситуацией, как могла.

Однако новый 1983 год, который имел место задолго до установления сахарной традиции, отложился у меня в памяти на всю жизнь, вплоть до мелких подробностей. Тем утром 31 декабря Лу, появившись к завтраку, угрюмо объявил, а точнее, просипел, что у него болит горло и кружится голова.

Мама тотчас отложила красивую голубую ленту, которой она перевязывала свёрток с подарком для бабушки и подскочила к сыну.

– Ну-ка, дай посмотреть. – она заглянула в широко открытый братов рот, потом приложила ладонью к его лбу и ужаснулась. – Да у тебя всё горло опухло! И температура, прямо чувствую! Признавайся, сколько мороженого вчера слопал?

– Да не ел я! – попытался возразить Лу, однако сделать это вышло только шёпотом.

– Ага, вижу-вижу, не ел он. Значит, без шапки опять гулял – твёрдо отрезала мама и вынесла, наконец, приговор. – Всё, сегодня никаких друзей. Сиди дома лечись.

На старшего в тот момент было жалко смотреть. Его редкие бровки вскинулись кверху и сложились домиком, как будто он сейчас заплачет, а тёмно-русская прядка из отросшей чёлки, которая обычно придавала брату некоторое сходство с хулиганом, упала на лицо и только усилила в глазах окружающих его трагическое выражение.

– Но... Мам! – снова попытался возопить к родительской совести Лу и снова всё было тщетно. Кажется, он уже успел в полной мере пожалеть о сказанном по неосторожности. – Там... У Брайана сегодня такая вечеринка! Все пацаны придут!

Он ходил за мамой хвостиком туда-сюда по кухне и чуть ли не на коленях просил отпустить его в гости к школьному приятелю, но мать оказалась крепче камня. Она только неумолимо мотала головой и всё твердила:

– Нет, нет и ещё раз нет! Всё. Нагулялся уже вчера. Вот заболеешь ещё по-крупному, и что я с тобой делать буду? В больницу на Новый год лечь захотел? Видимо, да, к этому стремишься. Ещё и друзей всех перезаражаешь, – она устало вытерла лоб тыльной стороной ладони и, резко развернувшись, случайно влетела в Лу. Тот ощутимо пошатнулся, однако на ногах устоял. – Вот видишь, даже с ног валишься. Головокружение налицо. Нет, – мама нашла в ящике градусник и вручила больному, – сегодня ты точно никуда не идёшь. Иди за стол, заодно померяй температуру. И не вздумай плутовать!

Лу только горько вздохнул и отправился к обеденному столу, где я и Рэй, поднявшиеся раньше всех, уже уплетали бутерброды с яйцом. Вяло махнув нам в знак приветствия, брат приземлился рядом, пододвинул к себе тарелку с горячими тостами и сердито сунул градусник под мышку.

– А у вас, девочки, ничего не болит? – осведомилась мама из другого конца кухни. Помещение было небольшим, потому кричать не приходилось. – А то мало ли, Лу ведь заразный.

Мы с сестрой переглянулись и утвердительно помотали головами.

– Неа, – коротко отчеканила Рэй и принялась за ароматное какао.

Правда, у меня отрицание получилось неубедительным, ведь я с самого утра чувствовала некоторую слабость и ломоту в всём теле, а кроме того, страшно першило горло. Потому мне пришлось приложить массу усилий, чтобы не хлопнуться лицом прямо в яичницу, и, разумеется, от маминого намётанного глаза такое состояние укрыться не смогло.

– Так, – она в два шага преодолела полупериметр стола и чуть вскинула мою голову за подбородок, заставив меня обнажить неравномерные ряды только ещё растущих коренных зубов и собственно глотку. Пару секунд мама сосредоточенно вглядывалась в недра моей ротовой полости, а затем беззлобно усмехнулась. – Ну вот, ещё одна. Эх ты, – обратилась она к Лу, – рассадник инфекции. Иди-ка лучше к себе, я всё туда принесу. А то вот, уже и Мёрфи заболела.

На самом деле, в этом не было ничего необычного. В детстве иммунитет у меня оставлял желать лучшего, и папа нередко шутил, что я переболела «всем, чем только можно, кроме чумы». Будучи совсем маленькой, я даже улицу почти не видела, потому что по большей части сидела дома с очередной болячкой. А горло, уши и, в особенности, нос – это вообще была отдельная тема. Я, не имея никакого медицинского образования, могу сейчас без проблем работать фармацевтом узкой специализации, так как капли для носа со всеми их свойствами я, благодаря незабываемому детству, выучила прочнее, чем таблицу умножения.

И мама, естественно, была в курсе сбойной работы моей иммунной системы, поэтому даже не удивилась тому, что меня вот так легко скосило под Новый год.

– Нос заложен? – только поинтересовалась она, скорее, для галочки, ведь ответ был заведомо определён.

Я в знак согласия качнула головой и побулькала ноздрями. Что есть – того не отнять. Стоило лишь малюсенькой заразе обосноваться у меня в организме, стоило только ночь поспать с открытой форточкой когда-нибудь, кроме лета, – и всё, пиши пропало.

– Ладно, ступайте тогда вместе, что уж вам терять, – мама сунула мне большое цветастое блюдо, накидала на него хрустящих тостов с горкой, вручила Лу тарелку со свежей яичницей, банку абрикосового джема и моё початое какао. – Не съедите – значит не съедите, я с запасом, чтоб вы мне тут не шныряли со своими микробами. Остальное потом донесу, вместе с лекарствами, вон, тут ещё детей накормить надо, – она в суматохе кивком указала на вновь прибывших Грейди и Марти. Сестрѐнка была ещё совсем малышкой и с трудом держалась на ножках, то и дело норовя схватиться за смешную, сделанную под скелет пижаму Грейди.

– Вообще-то мы уже взрослые! Ну, по крайней мере, я, – важно отметил младший брат.

– Был бы взрослый – не просил бы меня ночью лечь с вами на диване, – не моргнув глазом, возразила я. – Или-таки страшно?

– Нисколечки, – отпарировал тот. – Мне самому не страшно, я смелый. Я вон, – Грейди чуть замялся, но быстро нашѐлся, – за Марти боюсь. А если из окна полезут воры и захотят её украсть? Я не смогу их победить.

– А я что, смогу? – хмыкнула я. – Мне, между прочим, только шесть.

– Может и сможешь. Ты уже большая и в школу ходишь, – не отступал братишка. – И вообще – вон папа тоже с мамой спит, а он взрослый и ни-че-го-шень-ки не боится, – он специально разложил на слоги слово «ничегошеньки» для пушного эффекта. – Так что же получается, ему можно, а мне – нет, что ли?

– Ну всё, ребята, хватит спорить. Ты, Мѐрфи, вообще болеешь, – вмешалась мама в ответ на мой многозначительный кашель. – Натѐ вот вам, – она всучила мне ещё и свежесваренное какао для Лу, а сверху на тосты насыпала клубничного печенья. – Надеюсь, не упадѐт башня. Идите пока в карантинную, ну, к Лу и Рѐй в комнату, и по дому не слишком разгуливайте. К бабушке с дедушкой, получается, тоже лучше сегодня не ходить... Ну ничего, – поспешно добавила мама при виде наших притухших глаз. – Я им скажу – вы к ним в другой день навещаетесь.

И мы, новоиспечѐнные больные, стараясь по пути не растерять провиант, поплелись к лестнице. Настроение у меня было так себе, ведь теперь ни на ужин сходить, ни просто погулять было нельзя. А ещё – Новый год! Вот уж угораздило так угораздило.

Зато Лу, как ни странно, быстро отошѐл и пребывал в лёгком и приятном расположении духа.

– Эй, чего ты дуешься? – со стуком поставив еду на прикроватную тумбочку, он взъерошил мне волосы. – Ты что, разве не понимаешь, что мы теперь на льготном пакете?

– А? – я подняла с мягкого коврика Рѐй печенье, которому всё-таки удалось сбежать с блюда.

– Вот тебе и «А», – брат невозмутимо прыгнул на свой незастеленный диван. Из-за его плохой, как у всякого больного, координации движений получилось комично: приземлившись на одно плечо, Лу повалился на постель плашмя, словно морская звезда. – Нас же теперь никто работать не заставит! Ни убираться, ни готовить, ни ѐлку наряжать...

– Я хочу ѐлку наряжать! – так уж сложилось у нас в семье, что ель мы ставили не на Рождество, как принято, а на Новый год. Не знаю, с чем это связано, но папа исправно каждый раз приносил зелёное ароматное дерево, мы размещали его в зале (правда, ѐлка при этом занимала треть комнаты) и всей семьѐй, кто был в доме, а не разошѐлся по друзьям-знакомым, наряжали. И из года в год, мне по каким-то, вроде, ясным, а вроде бы, и весьма мутным причинам было жалко эти самые ели. С одной стороны, и папа всегда рассуждал «Чего их жалеть, всё равно они уже продаются, им не поможешь, а так хоть дом украсят», и мама никогда не относилась к данному вопросу столь же трепетно. Но почему-то меня вид бедных, сбитых в пучки, перевя-

занные тугими бечёвками, ёлочек, которые обыкновенно бывали выставлены у нас в деревне на продажу, таких молодых, гибких и смиренно склонивших свои тонкие верхушки в ожидании неминуемой гибели, доводил чуть ли не до слёз. Возможно, я, как и бывает с маленькими детьми, в какой-то мере драматизировала, коверкала увиденное, но сердце моё, совсем ещё ребяческое, не могло оставаться равнодушным к такой тирании. «Им бы ещё расти и расти, годами, веками. А теперь их просто выбросят на помойку». Я пыталась говорить об этом, даже однажды, доведя до абсурда, притащила выброшенную соседями маленькую ёлочку домой. Но мама тогда сказала, что она вся осыпается, и мы ей уже не помощники, а затем просто вынесла деревце на улицу, на холод. Мне, юной девчужке, это показалось чудовищно несправедливым.

Поэтому на сей раз я решила хоть что-нибудь изменить. Хоть что-то, что в моих силах.

– Эй, Лу, – я тихо – громче не могла из-за горла – позвала брата.

– Фево? – смачно откусив многоэтажный бутерброд собственного авторства, прошамкал тот. Даже во время болезни старший не изменял своему отменному аппетиту, хоть и был при всём при том высоким и очень стройным, если не сказать, откровенно худым.

– Папа же ещё не ушёл за ёлкой?

Лу отрицательно помотал головой:

– Не, и ещё не скоро пойдёт. Он отсыпается, у него ночная смена была, помнишь?

Всё складывалось точно так, как нужно. Тютелька в тютельку. Я, преисполненная надежды, перевела взгляд на братьев шкафчик, доверху набитый различными творческими принадлежностями.

– У тебя есть зелёная краска?

Уже через полчаса работа кипела вовсю. Не составило труда спуститься вниз за кипой газет, которые зачем-то хранил папа. Так же несложно было плотно выкрасить их в зелёный, истратив при этом всю краску Лу, но он не был в обиде – всё же благое дело. Уже потруднее было нарезать бумагу на кучу маленьких полосочек. И самым кропотливым занятием оказалось наклеивание этих самых полосочек на проволочный каркас.

Лу не сопротивлялся ничуть, наоборот, после объяснений, что к чему, загорелся моей идеей и охотно помогал. Во всём, что хоть прямо, хоть косвенно касалось творчества, мой старший брат всегда был на высоте, и, нужно отметить, если бы не он, я вряд ли завершила бы свой грандиозный проект до конца. Потому что работали мы долго, на протяжении нескольких часов. Под конец пальцы уже даже отказывались двигаться, а голова – хоть сколько-нибудь связно мыслить. Мы дошли даже до того, что хотели бросить, но сошлись на мнении, что нет в этом толка, если уже начал и материал перевёл. Пару раз к нам заходила мама, проведать и принести лекарств, и мы загоразивали спинами незаконченный шедевр, чтобы не испортить сюрприза и просили её, кажется, даже несколько раз, передать папе, чтобы тот не ходил сегодня за ёлкой. Мама озадаченно напрягала лоб, но всё-таки донесла нашу просьбу, когда отец проснулся, и к вечеру в итоге мы имели замечательную, сочно-зелёную, небольшую и полностью безопасную для окружающей среды (и чистоты в доме) ёлочку.

– Ура! Мы это сделали, – облегчённо выпалила я, отойдя чуть назад для лучшего обзора.

– Подожди, последний штрих, – Лу вдруг вскочил и несоизмеримо для большого быстрым бегом поскакал по лестнице. Через несколько секунд он уже снова влетел в спальню, держа над головой, словно олимпийский вымпел, ароматизатор для туалета «Хвойный лес».

– Вот так, чтобы краска не воняла. Да и вообще, это же ёлка, – со знанием дела брат густо надушил наше с ним изделие, в результате чего в комнате стало совсем нечем дышать, и я решила совершить крошечное правонарушение.

– Давай немножко проветрим? Пока мама не видит?

Лу без раздумий махнул рукой в сторону двери на балкон, продолжая терзать несчастный баллончик.

– А почему нет? Кстати, можешь не беспокоиться насчёт родителей: там никого нет – я видел. Папа сейчас, скорее всего, в пабе, а мама с остальными ушли к бабушке и бабушке. Так что смелей – духота страшная.

Я радостно отодвинула старенькие занавески в медвежатах, распахнула настежь деревянную дверь, которую Лу, будучи маленьким, изрисовал замысловатыми узорами, и всё моё тело в одночасье обдал поток влажного холодного воздуха. В комнату просочился свежий ветерок, он тербил нас за волосы, колыхал искусственные иголки, не имея никакого понятия о том, что мы вообще-то болеем. В суете предновогоднего дня я и не заметила, как стемнело.

– Сегодня ведь Новый год, – шёпотом сообщила я брату, который оторвался от своего увлекательного занятия и смешливо поглядел на меня.

– Да ты что?

Я только неоднозначно опустила ресницы и, нагнувшись, зачерпнула полужидкого, практически тут же растаявшего на моей тёплой, живой ладони снега.

– Просто как-то не верится. Вот, вроде, говорят: тянется время... а оно и не тянется совсем – летит быстрее самолёта. Лежишь ты летом такой, мечтаешь о Новом годе, а не успеваешь оглянуться – вот он, тут, – я счастливо засмеялась, чувствуя даже через носки, как сквозняк, такой зимний и неповторимый, навевающий собою что-то колючее и безудержно-радостное, обдаёт лодыжки.

– Ладно тебе, – Лу тоже заразился смешинкой. – Рассуждаешь прямо как бабушка.

– Сам ты бабушка, – и в брата тотчас полетел мокрый, наскоро спрессованный, чтобы не растёкся, снежок.

– Так ты драться? – в шутку угрожающе пробасил тот и медленно, подобно людоеду, поднялся с пола и рванул с кровати подушку.

Когда мама пришла, она застала просто умопомрачительную картину: я и Лу, выдохшиеся и багрово-румяные, валяемся на полу среди перемешанных одеял старших брата и сестры и ошмётков бумаги и из последних сил пытаемся месить друг друга подушками с уже слезшими наволочками и даже чуть-чуть выглядывающими наружу пёрышками, а в центре комнаты, как напоминание о том, что день прошёл всё-таки не зря, возвышается самодельная ёлка, распространяющая в радиусе метра плотное облако хвойного аромата. К слову, балкон мы, стоило двери только щёлкнуть, благоразумно притворили, а затем продолжили бои без правил.

– Ну и пациенты, – мать от души расхохоталась, и это отнюдь не было странно или неожиданно: какие там укоры, когда душа уже вовсю предвкушает весёлый семейный праздник? – Смотрю, вы времени даром не теряли, – она подошла к ёлке поближе и пробежалась пальцами по пушистой веточке. – Слушайте, а ведь неплохая идея – эта искусственная ель. И деньги трагить не надо. Это вы сами придумали?

Мы с гордым видом поднялись на ноги и величественно отряхнули перья и бумажки с пижам.

– Сами, – подтвердил брат. – Точнее, это Мёрфи.

– А без Лу ничего бы не получилось! Он почти всю работу сделал, и спрей, чтобы запах был, – это вообще-то его идея! – не осталась в долгу я. Несправедливо же: работали вдвоём, а все лавры – мне.

– Хорошо-хорошо, вы оба большие молодцы, – мама крепко обняла нас, несмотря на то, что мы могли её заразить, и весело заметила. – Уже, кстати, семь часов: пора и готовиться начинать. Сможете сами донести ёлку до зала или помочь?

– А то! Сможем! – мы с братом с двух сторон подхватили деревце, хоть со стороны это и выглядело так, как будто несёт только Лу, а я прицепилась сбоку, и, пригарцовывая, насколько это было возможно, потащили поделку вниз.

Наш маленький зал уже озарялся всеми цветами радуги от уютной гирлянды, параболами приклеенной на самом большом в доме окне, в ноздри щекотливо забирался пряный запах

тмина с корицей, а Грейди и Рэй, чуть не помирая в ожидании пышного празднества, посреди комнаты распутывали жирный клубок бус для ёлки, который, тем не менее, никак не желал поддаваться.

– У, долбаные бусы, – наконец от души резюмировала сестра.

Мама по-соколиному сверкнула карим глазом в полумраке комнаты.

– Это ещё что такое? Ну-ка не ругаться! Сегодня Новый год, в конце концов.

Рэй мученически закатила глаза под длинную чёлку.

– Это нечестно! Они вообще не распутываются, – она в сердцах бросила украшение на диван, а Грейди от неожиданности захлопал глазами с длинными ресницами, из-за которых его частенько принимали за девочку.

– Да не будь букой, – Лу, который вместе со мной устанавливал ель на табуретке, потянулся и рукой, сложенной птичкой, «поклевал» Рэй макушку. – Мама дело говорит, Новый год всё же.

Сестра в качестве ответа раздражённо попыхла ещё пару минут, а затем успокоилась и, осмотревшись, заметила некий новый предмет интерьера.

– Ого! Сами сделали? – она в восторге аккуратно погладила нежные иголки кончиками пальцев, как мама парой десятков минут ранее, и приложила к ним носом, дабы лучше учуять запах. Краска с бумаги к тому времени, хвала балкону, выветрилась абсолютно.

– Ага, – мы с Лу снова выпятили грудь вперёд, как чемпионы, правда, я от этого чуть не навернулась с подлокотника дивана.

– Слушай, – у старшего брата, похоже, появилась неплохая идея. – Может, бросишь эти бусы, раз они такие дурацкие, и принесёшь нам лучше украшения для ёлки? Ну там ангелочков всяких и прочее, по мелочи...

Спустя секунду, вновь сопровождаемая маленьким братишкой, сестра уже, гикая, выписывая в воздухе неведомые пируэты и, кажется, совершенно выбросив из головы надоедливые бусы, скакала к кладовке на поиски ёлочных игрушек.

– Учись, пока я жив. Вот она – бесплатная рабочая сила, – назидательно, как мудрый старец, пошутил Лу. Я незаметно для всех, кроме нас двоих, захихикала и показала ему знаком: «Хорошо придумано».

Наша Рэй совершенно не умела долго держать злость, но, быть может, оно и к лучшему?

Этот Новый год запомнился мне той самой неповторимой атмосферой, когда деревенская неторопливая и текучая тишина вступает в диссонанс с домашним шумом и суматохой, когда радостные, пусть, возможно, немножко и поддатые жители всею толпою вываливаются на улицу гулять, а некоторые даже поют традиционные песни, когда привычный дождь вдруг прекращается, а на смену ему приходит долгожданный холод, и природа словно замирает, пребывая, как и люди, в сладостном наслаждении от чего-то, о чём так давно мечтал.

«Гасите свет, начинается!» – кричит папа, и все лампы в доме в одночасье выключаются, оставляя единственным освещением гирлянду и фоновый телевизор. Мы в калейдоскопе разноцветных огней, мы беззаветно счастливы, мы улыбаемся: друг другу и всем жителям Земли сразу, мы все вместе, мы наконец дождались.

А главное – в тот день я претворила в жизнь одно из своих детских желаний: спасла живую ёлочку. Да, всего лишь одну, но и люди обыкновенно рассуждают о чём-то плохом вот так: «Ну и что? Меня-то это не затронет». И, если уж на то пошло, её не затронуло. Возможно, если бы эта ель знала, кто её маленькая спасительница, она бы сказала мне «спасибо».

К слову, наша искусственная ёлка была в обиходе ещё очень и очень долго, пока совсем не разохлась и не развалилась. И то сентиментальный Лу не позволил её выкинуть, а взял себе, подклеил, подкрасил, хоть реставрация изначально и казалась невозможной, попытал над нею пару дней – и снова пустил в пользование у себя дома. Так что память о том так и не омрачённом болезнью Рождестве останется у нас, возможно, до конца жизни.

А ещё я загадала желание. Конечно, шесть лет – это, как мне казалось, уже совсем взрослый человек, которому несолидно верить в такие глупости. Но в Новый год, необыкновенный и даже по-своему волшебный праздник, почему бы не сделать крошечное исключение? И в родном, семейном доме, окружённая самыми дорогими на свете людьми, с кружкой нагретого, чтобы не застудить горло, сока я про себя попросила то, что мне, как ребёнку, было нужнее всего:

«Пусть в новом году случится что-то незабываемое!»

Глава 6.

Глаза – это, прежде всего, орган зрения...

...А не зеркало какой-то там эфемерной души. Так утверждали родители, и я в детстве была с ними полностью согласна. Сетчатка, стекловидное тело, радужка... Ну откуда здесь вдруг возьмётся та самая иллюзорная человеческая сущность? Учитывая то, что существование души в принципе подвергается сомнению.

Что уж говорить, я, за редчайшим исключением, читать по глазам не умела никогда. Может, из-за того, что я в принципе старалась избегать прямого взгляда, может, по неким другим причинам. Но что бы ни чувствовал человек, какие бы тёмные думы ни терзали его несчастный мозг, для меня постороннее сознание всегда было чем-то недостижимым, неприкосновенным. Поэтому я не могу точно сказать, является ли высказывание о зеркале души правдой, или же это очередная романтизированная выдумка.

Так или иначе, в моей жизни случались цепные эпизоды, вышибавшие меня из привычной колеи. Они вдребезги, резко и неожиданно, били стекло между мною и внешним миром, заставляли впустить в голову что-то инородное, не имевшее по сути ко мне никакого отношения. Но такое существовало и, пусть порой приносившее лишь мучения, оно было необходимым фактором моего роста и осмысления окружающей среды. Таким образом восполнялись те самые запасы опыта, которые я не могла накопить в связи с частичным отсутствием у меня эмпатии, той самой, что позволяет просканировать человека по одному лишь его слову или телодвижению.

Один из таких случаев неизгладимо запечатлел у меня в памяти лето 1983 года и, возможно, положил начало самой главной в моей жизни истории. Истории, которая спустя долгие годы заставит меня вернуться на Запад и взглянуть на себя и на то, что я сотворила, с совершенно иной стороны.

В этот самый летний денёк я, мама и Грейди наконец выбрались на прогулку, если, конечно, так можно назвать поход на городской рынок. Мы решили не пользоваться транспортом и наслаждаться долгожданным солнечным теплом, а потому путь предстоял неблизкий и не самый лёгкий. Хитрый папа, чтобы никуда не идти, дал обещание посидеть с Марти, и мама доверила ему малышку без особого беспокойства, ведь сестрёнка была тихим и мирным ребёнком и, в отличие от остальных, не норовила к возвращению матери оставить от дома одни дымящиеся руины.

Рынок, по странному стечению обстоятельств, находился в самом центре, на главной площади нашего небольшого древнего городка, там, где в нынешнее время нашли себе место элегантные кафе и глянецовые магазины. Это, честно сказать, смотрелось довольно странно, ведь сам по себе гомонящий базар напоминал самую настоящую что ни на есть деревню. Те же мощные, по-простому одетые женщины за прилавками и путающиеся у них в ногах едва ли годовалые малыши, не имеющие понятия, куда податься, те же щуплые, потрёпанные мужички с сигаретками, шепелявящие что-то про нынешнюю политику, тот же гуляющий по узким, пыльным закоулкам, вездесущий шум. Я не очень любила там бывать: во-первых, из-за давящей со всех сторон толпы – чаще всего мы являлись на рынок в час пик – ребёнку было затеряться легче лёгкого, а во-вторых, от тяжёлого, надышанного воздуха очень скоро становилось плохо. Но результат того стоил: почему-то только здесь, даже не у нас в деревне, можно было недорого

купить *настоящие*, как выражалась мама, продукты. Люди, торговавшие на рынке, были не из этих мест, они приезжали рано утром откуда-то издалека на машинах, багажник которых буквально трескался по швам от килограммов свежего картофеля, бидонов с фермерским молоком и только что испечённого хлеба. Мама с папой ездили в городской супермаркет за покупками примерно раз в две недели, и не могли удержаться от того, чтобы заглянуть на рынок. Правда, это «заглянуть» неизменно оборачивалось парочкой неподъёмных баулов, зато насчёт пропитания даже нашей большой семье не приходилось беспокоиться ещё долгое время.

Когда ты, такой маленький и по-детски мечтательный, ходил между рыночными рядами, на мгновение могла создаться атмосфера сказочного базара – такие ассоциации навевала атмосфера. Однако не стоило слишком предаваться раздумьям, ведь шаг влево, шаг вправо – и ты уже потерялся. Поэтому лучше было крепко держаться за мамину руку и аккуратно лавировать между группками людей у того или иного прилавка. Как-то совсем не возникало желания навсегда кануть в гудящий человеческий улей, поэтому, шагая по рынку, я своими изгрызенными пальцами (давняя и жутко противная привычка, сохранившаяся – так уж и быть! – по сей день) цепко стискивала материнскую ладонь. За мною с другой стороны повторял и Грейди. Мы медленно продирались через разноцветный муравейник к нашей знакомой торговке, как вдруг:

– Хватай!!

– Держи воришку!!!

Продавцы рядом с нами моментально развернули головы в сторону криков и настороженно затараторили между собой на ирландском. Я из-за того, что комментаторы владели южным, а не нашим, западным, диалектом, не совсем поняла, что происходит, и поэтому тревожно поинтересовалась у мамы.

– А ничего! Опять воруют. Мало им самим, теперь ещё и детей приплетают, бесстыдники! – внешне невозмутимо, однако с плохо скрываемой досадой в голосе, объяснила та.

Действительно, воровство на рынке никогда не являлось чем-то необычным, поэтому никто не удивился вновь случившемуся инциденту. Обративший было внимание народ спустя считанные секунды вновь занялся своими делами, зато я в открывшийся между людьми просвет получила прекрасный и полный обзор чуть ли не половины рынка. Всё ещё держась за маму, я, насколько это было возможно, вытянула шею вперёд и оказалась едва не сбита с ног маленьким ураганом. Господи, лучше бы этот ураган меня тогда всё-таки сбил!

Худенькая, лет семи или немного поменьше, девчонка в продранном на подоле платьице и засаленной шапке, надвинутой по самые брови и потому придававшей девочке несколько угрюмый вид, со всех ног неслась к выходу с рынка, а за ней гнался здоровенный белёсый парень, видимо, сын той торговки, что подняла тревогу. Силы их заведомо были неравны, однако девочка, будучи небольшой и проворной (а может, просто от шока, вызванного страхом), ловко огибала попадающихся на пути людей и с лёгкостью находила малейшую лазейку, чтобы затем просочиться в неё и дать дёру, в то время как парню ничего более не оставалось, кроме как распахивать зазевавшихся посетителей локтями. Мама едва успела отдёргнуть меня за локоть, иначе эта детина точно сделала бы мне сотрясение.

– Ты что? – шикнула она. – А если бы он тебя зашиб? Идёмте, незачем нам на это смотреть, – торопливо и уверенно мать потянула нас с Грейди туда, куда мы изначально направлялись, но я, вопреки её и даже своей собственной воле, не сдвинулась и с места. Слишком уж завораживающим было зрелище.

– Да чего ж вы, миссис МакГарретт, в самом деле? Из-за одной буханки – стоит ли оно того? – до моего слуха донеслась неуверенная попытка борьбы за права обездоленных от какого-то наблюдателя, который обращался, видно, к владелице краденого товара.

Однако та даже не думала сдавать позиции.

– Ага-а-а, сначала одна, а потом – двадцать одна! – резко и наполовину по-гэльски вещала она из-за своего прилавка, стараясь перекричать толпу. – Не говорите ерунды! Как будто вы ворюг этих не знаете.

– Знаю, – вступила в спор визгливая женщина, несомненно, горожанка, с ярко выраженным британским акцентом. – И, поверьте, девчонку бы, будь я вами, пощадила.

– Будь вы мной, – отрезала миссис МакГарретт. – Давно бы выучили, как у воров всё работает. Система их, понимаете! Вот она сейчас украдёт, а потом дружкам своим разболтает, где можно хлебушком лёгким поживиться. А мне потом кушать нечего будет! И где справедливость тут, по-вашему, а? Где справедливость-то?..

Девчонка тем временем, забыв, казалось, и про рынок, и про торговку, и про всё вокруг, кроме неё самой да цели, ради которой она так старалась, продолжала улепётывать всё стремительнее и стремительнее, пока на некоторое время и вовсе не скрылась из виду. А потом она вновь появилась. И, наверное, решение ринуться бежать ещё быстрее было самой большой её ошибкой. Возможно даже, что в жизни. Зачем? Зачем ты так?!

Её собственные ноги враз перестали ей подчиняться. Вот так просто отказали – и точно ооченели, подобно конечностям трупа. Почему? Я большую часть юности пыталась это понять. Возможно, приди я к решению данной проблемы прежде, чем я бы успела натворить много ненужного, история потекла бы совсем не так, какой я сейчас её пересказываю.

И, возвращаясь, собственно, к истории: то, что случилось дальше, я смогу описать только словосочетанием «замедленная съёмка».

Девочка споткнулась, подлетела, маленькие грязные ручонки разжались, и хлеб, который она нежно прижимала к себе, подобно младенцу, выпорхнул пташкой, чтобы в следующую секунду беспомощно приземлиться примерно в метре от распластавшейся на земле юной воришки. Шапка тотчас слетела, обнажив сальные чёрные пряди, очевидцы наострили уши. «Сейчас что-то будет», – эту мысль я буквально могла чувствовать кожей, потрогать её, положить в карман. В тот момент можно было однозначно спрогнозировать – девчонка попалась.

И правда, в то же мгновение, ребёнка молниеносно подхватил за шиворот МакГарретт младший и пару раз встряхнул. Девочка же как будто совсем не реагировала на воздействие извне, только продолжала безвольно висеть и смиренно ждать своей участи. Мне было страшно наблюдать её такую, это всё казалось до одури неправильным и буквально било диссонансом под дых. «Нет, нет, так не должно быть! Что ты делаешь? Борись, борись!» – как бы мне хотелось закричать так, чтобы она услышала. Но ледяной ком в горле не позволял вымолвить ни слова, тело словно оцепенело, а глаза титановыми челюстями зрачков впились в разворачивающуюся сцену, мол, смотри. При всём том, я не желала смотреть, мне хотелось отворотить лицо как можно скорее, только бы не лицезреть, как маленькую девочку, моих лет, будут лупить, однако я не могла. Я точно впала в ступор и, почти не моргая, продолжала наблюдать.

К счастью, сын торговки был не бесчестен и не поднял руки на ребёнка. Зато отнёс девочку куда-то вглубь рынка, как выяснилось позже, к прилавку матери.

– И что мне с тобой делать? – я слышала, как, тяжело вздохнув, призадумалась миссис МакГарретт. – Может быть, в приют сдать?

И вот тут, казалось бы, окончательно смирившаяся со злым роком девочка впервые подала голос, пронзительный, звонкий. Этот голос... Этот дом...

– Нет! Только не в приют! – возглас, как стон умирающего. Отчаяние, осознание неизбежного, сковывающий ужас – всё, что только ни отразилось в этом крике, моментально сработало как спусковой крючок. Я, совершенно не осознавая, что творю, рывком выдернула свою кисть из маминой ладони и побежала. Куда – этого мне было не понять, зачем – тем более. Только бы быть ближе к тому месту, откуда доносятся те голоса. Где уже всюду шло обсуждение дальнейшей судьбы незадачливой воришки.

– Нельзя, пойми меня, нельзя детям жить вот так, – миссис МакГарретт окинула девочку досадливым взглядом. Парень всё ещё крепко держал черноволосую за руки, прижав их к спине, хотя это было не особо и нужно – она почти не брыкалась. – Без дома, в конце концов, без родителей...

Девчушка дёрнулась, уставившись неподвижными, лихорадочно поблескивающими глазами куда-то перед собой.

– А у меня есть дом и есть родители, – тихо, но твёрдо сказала она. Голова её была опущена ниц, из-за чего ниспадавшие волосы прикрывали пол-лица. – Мама есть, – повторила девочка и задрожала. Кажется, я даже сумела разглядеть стёклышки слёз, которые, скатываясь с её щёк, разбивались о пыльный асфальт. – А вот у неё, кроме меня, никого нет. Если вы заберёте меня, она... Она... Умрёт!

Выкрикнув последнее слово до невозможности громко, воришка затряслась в беззвучном плаче и ещё больше обмякла, оседая книзу.

– И из-за этого ты пошла воровать? – торговка недоверчиво цокнула языком.

– Ну а как же? – продолжала, захлёбываясь, твердить девочка. – Ничего нет... Денег нет... Мама больна... Не ест, не пьёт... Даже встать не может...

Она бормотала уже как будто в полусознательном состоянии, скорее, повторяя механически, как молитву. Я видела, какими страшными усилиями даётся ей каждое слово. Потому я с трудом могла дать самой себе ответ на вопрос: откуда такая нечеловеческая сила в настолько маленьком и внешне никчёмном человечке?

– Мама у ней больна, – миссис МакГарретт, разумеется, так и не разглядев этой силы и, тем более, не проникнувшись ею до глубин разума и сердца, переняла дрожащего, как в судороге, ребёнка у сына, который уверенно направился куда-то на улицу и со снисхождением проговорила. – Это всё, сестрица, ваши отговорки воровские. А то я не знаю. Вот сколько мне тут до тебя заливали про мам больных? Я и не сосчитаю. А меж тем некоторых отпускала. И что? Да ничего, потом всей шайкой приходите, обманули дурака, как говорится... Ты мне тут давай не рассказывай, наступали на эти грабли, знаем...

Внезапно девчонка впервые за всё время с полной силой взвилась, тряхнула густой, тяжёлой чёлкой и озлобленно, совсем неподобающе её возрасту произнесла:

– Значит, вот так. Кто-то говорил – я не поверю. Правда что, зачем? Проверять как-то, ещё чего... Лучше сразу не верить... не верить лучше сразу...

Кажется, она сама уже путалась в собственных словах. Сил плакать не осталось, и девочка снова повисла, отвергая всякое стремление выбраться наружу. Зеваки, кто ещё был тут, понемногу стали расходиться, но я осталась. Даже если бы мне очень захотелось, убежать так бы и не вышло. Потому что будучи и так взвинченной до предела, меня поминутно прошивало разрядами тока и вновь парализовывало. Как лягушку. Я снова стояла и смотрела, в то время как в голове моей ходил смерч, и страх как хотелось перейти хоть к каким-нибудь активным действиям, но всё, абсолютно всё было тщетно, ведь я даже не смогла бы сдвинуться с мёртвой точки. По какой-то неведомой причине ни малейших сомнений у меня слова девочки не вызывали. Это был тот самый случай, когда ребёнок безошибочно отличает правду ото лжи.

А потом из мутной, давящей пучины меня вытащили схватившие с двух сторон за плечи мамыны руки, которые куда-то меня повели, и ноги, вот ведь чудо, нечестное чудо, их послушались. Но мне не хотелось никаких чудес, хотелось чего-то...

И тогда я опять сорвалась в скачку! Снова – туда, снова – скорее.

А её уже схватили под руки, так как ноги совсем, до крайней точки ослабли, и потащили к машине. Невнятным хрипом, полувысохшими слезами, горячечным, помрачившимся взглядом она всё ещё пыталась звать к справедливости. Но кому была какая разница? Только мне, мне одной было не всё равно. Лучше бы меня тогда на пару минут ослепили!

И пока моё тельце уже совсем твёрдо не сгрести в охапку, я успела на доли секунды поймать её взгляд...

То, что я увидела в этих потрясающе красивых янтарных глазах с отблесками солнечных зайчиков, которые смотрелись дико на грязном, вымазанном в уличной пыли личике, отложилось в моей памяти на всю последующую жизнь. Там не было ни капли злобы или обиды, только глухое, не по-детски сознательное смирение. «Спротивляться поздно. Да и зачем? – читалось в этом взоре так ясно, как никогда прежде. – Ты вот чем лучше? Стояла и смотрела. А мама моя умрёт теперь. Молодец, Мёрфи Уолш, молодец...» А ещё – доброта?.. Точно так. Ведь она, такая чистая, такая всесильная, лишь тебе в моей жизни и была присуща. Почему ты продолжаешь меня любить, по-своему искренне и беззаветно, и это после того, что я сделала? Тысячи, миллиарды вопросов. Всего пара секунд до того, как меня окончательно вывели на улицу. Вместе привычных звуков в ушах стоял высокочастотный гул, а мамино обеспокоенное лицо перед глазами расплывалось и шло водными кругами. «Это меня снова тошнит? Или всё же нечто иное?» – ничего не разобрать. И взгляд, этот взгляд повсюду, везде и во всём. В моей голове. В моём собственном взгляде.

Дома в тот вечер я отказалась ужинать, выставила из комнаты младших и подперла дверь стулом. Хотелось только остаться одной, зарыться в одеяло и лежать так, медленно теряя кислород, до потери сознания. Факт, что где-то есть подобная жизнь, что ежеминутно кто-то умирает и мучается, больно полоснул клинком по моему жизнелюбию. Но и это всё было не так важно, как нечто куда более масштабное, другой природы, другого происхождения и иного назначения, что-то, что я пока в силу возраста слабо могла понять. Тогда моё мировосприятие впервые треснуло и раскололось на фрагменты, а иллюзии – испарились. И если ещё совсем недавно я могла уверенно сказать, что жизнь замечательна, сейчас я вовсе не имела никакого мнения по данному вопросу. Странно, но с того момента и видеть мир я стала по-другому. Может, из-за того, что с меня сорвали розовые очки?

Глава 7.

Свобода.

О ней беспрестанно рассуждают, за неё борются, ею дорожат, она – одна из естественных потребностей человека, в особенности – ирландца. Как есть и пить, спать и размножаться – свобода мнения, пространства и мысли необходима для полноценного существования. Без свободы нет счастья.

И почему-то наиболее остро это осознаётся в период жизни, когда ты ещё не подросток, но уже и не дитя. До пляшущих чёртиками гормонов совсем далеко, однако иной раз так и хочется вдруг встрепенуться, подорваться – и пуститься галопом по улицам, лугам, долинам. Куда угодно, лишь бы уши закладывало от хлещущего по щекам бодрящего ветра да ноги погрязали по колено в роскошном бархате луговых трав. Лишь бы нестись наперегонки с томно гудящим поездом, и пусть знаешь наверняка – он победит – но само объёмлющее чувство неподдельного азарта заставляет получать удовольствие не от результата – от процесса. И наконец, та самая настоящая свобода, что даёт утешение и подстёгивает жить в тяжёлые дни, одаря счастливой беззаботностью в дни безоблачные.

Я любила лето, очень долго, вплоть до совершеннолетия. Любила без памяти, как способно исключительно юное сердце.

Ведь что может быть лучше для маленькой непоседы, чем спозаранку вскочить с постели и, в спешке даже не накинув покрывало, вместе с братом, а по совместительству хорошим другом, улететь из дома? Прыгать, танцевать, предаваться беспечному детству под лучами только пробуждающегося солнца. Сбежать на станцию, посмотреть – много ли народу сегодня отправляется в путь и куда. Посетить магазин и поздороваться с ещё сонным, но по-обыкновенному доброжелательным знакомым продавцом. В задоре добраться даже до города и, прогуливаясь

вдоль пустынных рыночных рядов и принимая от редких торговцев предложения попробовать их товар, удачно позавтракать...

Лето всегда давало шанс фантазии. Пойти, куда вздумается. Мечтать, когда вздумается. Творить, что вздумается.

Иногда, правда, у нас с Грейди это доходило до абсурда, и мы, даром что маленькие, неплохо так давали другим ребятам знать, кто здесь главный. Крошечная обида, неосторожно сказанное слово, необоснованная наглость или несправедливость – причиной кровавой расправы могло послужить почти всё, что угодно. В течение учебного года мы не желали особенно наживать себе проблем, но вот летом почему-то отрывались по полной. Незачем таить, я всегда была драчливым ребёнком и ещё в глубоком детстве, когда меня брал на руки кто-то посторонний или трогали мои волосы, я по возможности старалась то лягнуть обидчика, то укусить. А уж в девять-одиннадцать лет, когда все чувства разом обостряются, а побои становятся чем-то вроде эмоциональной разрядки, мне и вовсе пришлось постараться, чтобы не превратиться в машину для убийств. Наверное, тут моя физическая слабость даже сыграла на руку, причём, не столько мне, сколько тем несчастным детям.

Но даже не имея хорошей спортивной подготовки, я и Грейди умели, как говорится, задать жару каждому, кто нам не угодит. «Такие уж Уолши по натуре, – часто говаривал папа. – Пока всё не сделают по-своему, не успокоятся». А мы были детьми, нам не хотелось подчиняться и следовать правилам, ведь в этом возрасте обычно думается, что знаешь, как устроен мир, куда лучше, чем бестолковые взрослые. Поэтому сколько бы брату и мне ни твердили, что драться нельзя, какое нам вообще было до этого дело? Всё равно ведь поступали как думали.

Однако отец, даже со всей своей ненавистью к войне как к противоестественному и бессмысленному процессу, на удивление редко ругал нас за баталии на улице. «Деритесь, пока можете, – утверждал он. – Мне вот тоже порой страх как охота вмазать кому. Да нельзя, посадить ведь могут. Вот и нужно наслаждаться, пока юн. Какое же, в конце концов, детство без драк? Это ж как консервированные огурцы! А жизнь прочувствовать надо, на вкус попробовать – тогда, может, что и поймёшь».

Мама тоже придерживалась сходного мнения: она полагала, что родители калек, которые временами приходили к нам разбираться, излишне драматизируют. И пусть браниться с ними она не спешила (всё же это было делом не её уровня), но своими ответами ясно давала понять, что разговор этот ей не интереснее, чем созерцание пустой стены. В итоге, пообещав, что нас непременно накажут, и выставив непрошенных гостей за дверь, мама делала нам небольшой выговор, скорее, для галочки, и вновь возвращалась к прерванному занятию. Ведь и ей было хорошо известно, что для подрастающих детей категорический запрет равен сигналу к действию.

С какой стороны ни посмотри, мне нравились те годы, и даже сейчас, когда всё это, казалось бы, омертвело и облетело шелухой, я не могу вспоминать их без тёплой улыбки. Тогда я сделала свой первый шаг к становлению, взошла на новую ступень духовного развития: от любви ко всем и всему, так присущей детям, я перекочевала к избирательности и разлому мира. Появились полутона – теперь окружение виделось не только чисто чёрным или абсолютно белым, но и множеством промежуточных оттенков. Хотя я не могу сказать, что в то время мне эти перемены приносили лишь радость. Будучи по натуре человеком ригидным, я всячески противилась любым изменениям и, сколько себя помню, предпочитала жить прошлым. Нет, я не руководствовалась девизом «Раньше было лучше», просто, верно, чего-то боялась.

Уже в юности мне сообщили, что запах как ощущение играет немалую роль в формировании картины мира (несмотря на то, что наибольший процент информации мы как приматы всё же получаем со зрением). Так, ты, к примеру, едва ли сможешь нормально общаться с человеком, от которого плохо пахнет, какие бы положительные эмоции он у тебя ни вызывал.

На деле же я дошла до этого ещё лет в шесть, когда сопоставила, что каждый человек, каждый дом имеет свой собственный, неповторимый запах. С уходом члена семьи или с приходом нового сожителя суммарный запах меняется, тут действует принцип смешения. Также запахи способны привязываться к зрительным или слуховым образам и при попадании на соответствующие рецепторы вызывать в сознании целые детальные картины. Таковым являлось и является до сих пор моё мировосприятие.

Поэтому и жизнь свою я до сих пор рассматриваю как череду запахов, которые, подобно фотоплёнке, запечатлели в моих извилинах настоящую картинную выставку. Вот 1982 год: вид с летающего в небесной выси холма и аромат травы, табака от папиной куртки, слегка прелой влаги и солнечного света (именно им, к слову, пахнет лето). Или 1987-й: мы с Грейди стоим на невысоком мостике из металлических прутьев, а под нами – железная дорога, и поезд стучит массивными колёсами и развеивает вокруг невесомый дух дальних путешествий и накатанных рельс...

Первый из периодов моей жизни имеет запах, может, и не более запоминающийся, чем у двух других, но точно необыкновенный, тот, который невозможно воссоздать и остаётся хранить его только в неприкосновенной своей памяти.

Мама страшно любила чистоту и каждый выходной стабильно посвящала уборке, разумеется, приобщая к ней нас как юных помощников. И, быть может, мы противились, даже вопили страдальчески, что это издевательство – убираться *настолько* часто, однако стоит признать, что сейчас я точно схожусь с нею во мнении. Стоит только вспомнить, как я ребёнком, приходя к кому-нибудь в гости, неизменно спрашивала себя: «Почему у них так грязно?» Ведь для нашего дома критерием загрязнённости служило всё, что так или иначе могло прилипнуть к ногам. Да и наконец, когда убирался (а я и сейчас провожу такую процедуру еженедельно – против привычки ничего не подделаешь), даже дышится свободнее. Пыль не забивает носовую полость и не нужно отряхивать ступни перед тем, как основательно, то есть полностью, залезть на диван.

А самое главное – это запах чистоты. Который и стал лейтмотивом в первой части моей симфонии. Мыло, порошок и мокрое дерево – так, наверное, можно описать тему, красной нитью проходящую через множество других в полотне моего детства.

Ещё – старый, пыльный бетон. Давным-давно (кажется, тогда ещё даже не родилась Марти), весной, родители взяли нас на прогулку в овраг за холмами, на реку, чтобы устроить пикник. Машины у нашей семьи не было, поэтому идти пришлось долго, а термос, перекинутый через плечо на манер сумки, тянул меня за спину и грозился опрокинуть назад. Но как только мы добрались до пункта назначения, я ясно осознала, что нелёгкий путь того стоил. Насколько я могу помнить, вид предстал потрясающий: сочная, только выпустившая молодые побеги зелёная растительность, маленькая речушка со стеклянной водой, такой чистой, что можно было пить, масса оставшихся ещё с осени пожухлых листьев под сапогами и деревья, деревья, которые, чудилось, были повсюду, они нависали над этим чудесным местом, словно купол, и изредка, как бы озорничая, одаряли странников свежей, студеной росой. А в довершение картины, возле небольшой открытой полянки, где решено было остановиться, лежала совсем забытая, давно уже поросшая густым мхом бетонная труба. И я, помнится, так её облюбовала, что не хотела вылезать наружу, заявляя, что я – лесной эльф и подношения в виде жареных сосисок нужно передавать непременно в моё логово. Конечно, мама не стала меня огорчать, и в широком, диаметром около метра, отверстии оказалась просунута рука с бумажной тарелкой...

Запах этой самой трубы, такой влажной, безмятежной, давно уже позабывшей ощущение грубых человеческих рук, отпечатался у меня в памяти как незабываемый символ спокойствия и несокрушимости.

И в середине, ближе к концу, восьмидесятых запись обонятельных образов, аналогично записи песни на пластинку, не прекратилась. Напротив, мобилизовалась и отправилась на хранение старая информация, освободив массу ячеек для новой. Вместе с переходным возрастом пришла и способность к более детальному запоминанию и анализу.

Ощутимее всего мою тогдашнюю память поцеловал прозрачный и лёгкий воздух ранней летней ночи, когда ты и шевельнуться лишней раз боишься, чтобы не спугнуть мимолётную атмосферу покоя, когда уставшая за день природа только начинает погружаться в неглубокую, но от этого не менее сладкую дрему. Тогда я предложила Грейди пойти в поход и переночевать на лугу, на что тот ответил бессменным согласием юного авантюриста. Сначала мы попросили честно отпроситься у родителей и, получив твёрдый отказ (всё-таки дети, одни, под открытым небом) приняли решение улизнуть самим и вернуться утром. Глупо, конечно, но нам, так или иначе, нравилось наживать себе приключения. И, чего уж там, было восхитительно, замечательно, прекрасно, мы рассказывали друг другу страшилки, сидя на покрывалах, и даже сумели запалить костерок. Так продолжалось около пары изумительных часов. Так продолжалось ровно до того момента, как нас отыскал раскрасневшийся от злости папа...

Однако даже несмотря на трёпку, воспоминания у меня о том дне остались только светлые. Позднее, уже зная, чем кончаются вечера на природе без старших, мы довольствовались маленьким чуланчиком на первом этаже. В этой комнатке со старыми обоями, где когда-то был свет, но его отключили за ненадобностью, даже можно было жить, неважно, что размеры у неё были совсем крошечные, однако мы использовали её для хранения швабр, ёлочных игрушек и всякого ненужного хлама, который, по словам папы, «мог когда-нибудь пригодиться». Притащив с собой автономную лампу, я и Грейди (а порой присоединялись и остальные) могли заседать там до самой глубокой ночи, болтая прямо на полу или играя в карты на большой коробке с хозяйственными принадлежностями. Карты вообще были любимейшим развлечением семьи Уолш. Играли все и каждый, от мала до велика, ребёнок Уолш горделиво показывал язык впервые обыгранному зазнавшемуся взрослому сопернику, которому не повезло не носить нашу фамилию. Я начала участвовать в еженедельном казино выходного дня, проводившемся за кухонным столом, без малого лет с пяти и за это время успела выучить огромное количество разных игр и стратегий. Не было в этом доме ни одного человека, который заявил бы, что не любит карты. Даже маленькая Марти, немногословная и слегка заторможенная в жизни, в игре лихо ставила на место кого угодно. Конечно, другие родители смотрели на наших не особо одобрительно, наблюдая, как мы в парке вместо того, чтобы гонять мяч, раздаём очередной кон, но мама с папой всегда утверждали, что «умные» карточные игры прекрасно развивают логику и стратегическое мышление.

Также, я думаю, окружающие захлебнулись бы в пене изо рта, если бы вдруг узнали, что папа подарил мне на десятилетие. Проснувшись утром, когда родители уже работали, на письменном столе под обёрткой с надписью *«Для Мёрфи Каролины Уолш. Конфиденциально»*, я обнаружила небольшой, но довольно увесистый походный ножик с фигурно вырезанными этническими узорами. К ручке бечёвкой была примотана записка *«Ты уже взрослая, а значит, ответственная. Поэтому я могу доверить тебе эту вещь. Храни её как зеницу ока. Надеюсь, этот нож сослужит тебе хорошую службу, но лучше не играйся с ним: он острый. С днём рождения, дочка»*.

Когда-то этот ножик был подарен папе его отцом. А тот передал его мне. Вообще фигура другого деда всё детство оставалась для меня тайной: отец лишь скупко говорил, что тот умер, а на большее его расколоть никак не удавалось. Да и не хотелось слишком трепать папины нервы, и оттого единственной нитью, связующей меня с другой стороной моей родни являлся тот самый нож. Мудро посчитав, что такой вещью не светят, я спрятала его на дне одного из ящиков своего комода, гордо представив подарок лишь членам семьи и Сирше, которая,

кстати, зашла в восхищении и выдала своё фирменное «Везёт тебе». Она так реагировала буквально на всё хорошее, что другие ей показывали.

И наконец – поезд. Тот, что рано утром гудком будил меня от поверхностного сна, а затем вновь убаюкивал ритмичным постукиванием. Который принёс мне первое и самое настоящее ощущение свободы. На который мы с Грейди, обволакиваемые лучами заходящего солнца, могли любоваться часами, стоя на решётчатом мостике, чувствуя струны решётки даже через резиновую подошву кед, споря о том, куда же он едет, и рассуждая, не хочется ли нам уехать вместе с ним. И даже при всём стремлении к свободе, детском нонконформизме и подростковом бунтарстве, мы не могли даже представить себе, что когда-нибудь покинем родную долину.

– И не нужен мне этот Дублин! И Голуэй тоже! И Лимерик, и Корк – ничего не нужно. Я навсегда останусь тут, обещаю!! – выкрикнула я в ленивый вечерний воздух и горделиво, как отважная воительница, отбросила с лица волосы, которые прохладный, дымный ветерок выудил из косы.

– И я! Я тоже никуда не уеду! – повторил за мной Грейди.

Кому мы кричали – этого мы не знали. Скорее всего, наши слова были обращены к самой долине или же к поезду, который будто бы мог взять – и против нашей воли унести нас в незнакомые дали.

– Фи, идём домой, – вдруг после нескольких минут тихого созерцания выдал братишка. Так уж вышло: мы с раннего детства обращались друг к другу как Ди и Фи.

– А что? – я ухватилась за перила и по-кошачьи изогнулась назад, уставившись на Грейди вверх ногами. – Разве уже девять?

– Так мама... это... обещала, вроде как, курицу запечь.

– И ты молчал?! – спохватилась я и, в считанные секунды вернувшись в прежнее положение, звонко протараторила. – Всё, кто последний – тот завтра заправляет кровати! – и бросилась наутёк с выворачивающим лёгкие смехом.

– Да ты нечестная! – обиженно воскликнул Грейди, обращаясь к моей стремительно удаляющейся спине, но, тем не менее, почти тут же побежал следом. – погоди меня!

Восторженно ликуя и размахивая руками мы, брат и сестра, неслись вдоль лугов, затем – деревни, всё ближе и ближе к дому. И, сдавалось нам, ничего больше не нужно, только бы были поля, холмы, поезд да родное гнёздышко. Только бы было детское счастье. Время, взросление, перемены – это нам незачем, ведь что они дадут, помимо грусти по ушедшему? Надо жить тем, что происходит сейчас. А всё остальное может подождать.

Глава 8.

В детстве, да и в подростковом возрасте, все свои поступки почему-то трактуешь однозначно.

И совсем с другой стороны открываются они тебе, когда вдруг начинаешь переосмысливать собственную жизнь, уже будучи взрослым.

Безотказная доброта, любовь ко всему живому и неживому, всеобъемлющее милосердие, жгучее желание привнесения света в сумрак окружающего мира... Вот, что, казалось бы, движет детьми. Вот, чем они сами, зачастую даже неосознанно, обосновывают, зачем было совершено то или иное деяние. Вот, чему, пожалуй, и стоит верить.

Но с другой стороны, если база личности твоей на протяжении жизни практически неизменна, сильно ли будут отличаться такие персонажи как ты-ребёнок и ты-взрослый?

В раннем детстве, когда действительно ещё рано и блистать умом, и щеголять собственным вполне сформировавшимся мировоззрением, такое правило, как руководство добротой, всецело работает. Другое дело – это ранние, средние и поздние подростки. Гормоны, эмоции, синтез такой сложной субстанции, как восприятие жизни – всё это, несомненно, влияет и на мысли, и на поступки. Однако суть не совсем в этом. Если память твоя, и в принципе боль-

шинство мозговых функций уже работают, и работают стройно, отчего ты должен анализировать мир иначе, чем тот же ты, но уже зрелый?

В двенадцать лет, когда в крови всех моих одноклассников уже давно бушевал американский торнадо, я, затаив дыхание, только предчувствовала наступление неотвратимого смерча. При всём том, жилось мне, как я полагала, на несколько порядков лучше и, если бы меня тогда спросили, горю ли я желанием вступать в переходный возраст, я бы точно одарила любопытствующих недвусмысленным осуждающим взглядом.

Девочки, стоя кучкой в школьном коридоре, начинали украдкой посматривать на местечко у противоположной стены, где, подобно колониям бактерий или одноклеточных водорослей, слипались мальчишки. На переменах, вместо привычных ребяческих шуток, одноклассницы выпытывали друг у друга, кто с кем целовался и кто кому нравится. Ребята же, напротив, вели себя как совершенные дети и, охваченные новым увлечением, любили схватить первый попавшийся учебник, чтобы затем, пока учитель не видит, подпрыгивая галопом, начать бросать его друг другу через весь класс под возмущенные крики хозяина вещи. Если описывать вкратце, моё окружение занималось самыми обычными что ни на есть делами для нашего нелёгкого возраста.

А я – да что я? Я продолжала проводить время с лучшей подругой Сиршей, устраивать хулиганские выходы с Грейди и иногда по воскресеньям вместе с папой и Марти смотреть по телевизору футбол. Сестрёнка моя, стоило ей только пойти в школу, внезапно для себя самой сделалась ярым фанатом клуба Шемрок Роверс, и, выцганив себе на день рождения их форму, теперь частенько притыкалась к папе под бочок, когда тот сидел на диване в зале, с просьбами включить спортивный канал. Отец сначала удивлялся, мол, откуда у тихой младшенькой такая любовь к подвижным играм. Ведь ни Лу, ни Грейди никогда не видели в футболе ничего интересного. Как бы папа ни старался привить им симпатию к активным видам деятельности, первый не желал ни на секунду отрываться от своих стихов и музыки, а второй на пару со мной проводил дни за изучением флоры и фауны графства Голуэй. Что же до Рэй – она вообще была персоной неспортивной и предпочитала беготне на свежем воздухе такие спокойные и не нервные дела, как чтение или рисование. И только Марти сполна откликнулась на папины призывы и со всем своим маленьким сердечком, никогда не видевшим обратной человеческой связи, поделила с отцом его увлечение. В школу моя младшая сестра ходить не любила, часто устраивала там истерики, из-за чего маме то и дело приходилось отпрашиваться с работы, чтобы забрать Марти домой. Учительница, верно, втихаря полагала, что у нашей маленькой сестрёнки не совсем всё в порядке, но, стоит отдать ей должное, открыто она об этом не говорила, даже после очередного светопредставления продолжая относиться к Марти ровно так же, как и к другим детям. Быть может, вся наша небольшая школа просто ещё помнила несладкую участь преподавателя английского, что посмел накричать на Лу, когда тот был совсем не виноват. Когда мама пошла на разборки по этому поводу, она была в таком бешенстве, что, сдавалось мне, школьное здание взовьётся огнём и рассыпется в пепел. Конни Келли, своенравную и волевою девчонку, отлично помнили все учителя до единого, и вообще школьный коллектив ныне старался поменьше с нею связываться, но тут, должно быть, произошёл какой-то системный сбой. Ещё будучи ученицей, моя мама не давала спуска никому, а тут, защищая сына, она и вовсе разошлась по полной. И итогом маминой гневной речи стало то, что после случая с оклеветанием брата ко всем детям с нашей фамилией стали относиться как к персонам бизнес-класса.

Поэтому школьная моя жизнь была в целом неплохой, вдобавок, Сирша училась со мной в одном классе, поэтому, считая выходные, виделись мы чуть ли не каждый день. Кроме того, на перемене мы могли спуститься этажом ниже, чтобы проверить, как там поживают младшие. Учительница Грейди когда-то преподавала у нас в начальной школе, а училась я всегда хорошо, благодаря чему она помнила меня и любила. Женщина, что работала в классе Марти, тоже

радовалась каждому моему визиту, поскольку сестрёнка, пообщавшись со мною, сразу начинала вести себя спокойнее и приветливее. А с ней ведь бывали те ещё проблемы.

Была у Марти одна, так сказать, особенность. Она не принимала абсолютно ничего нового. Вроде бы, оно и нормально для ребёнка, ведь я тоже тяжело переносила изменения. Но здесь было другое: куда гипертрофированнее и куда жёстче. При *любом* шаге от привычного режима дня (вплоть до того, что вечером дали ту игрушку, в которую нужно играть утром) моя сестра от гнева чуть не начинала биться в эпилептическом припадке. Выходить в общественные места с ней маленькой тоже было не по-детски весёлым занятием. Если незнакомый человек подходил к Марти слишком близко или, упаси господь, прикасался к ней, малышка сразу заходила в яростном визге, верещала и выгибалась, попутно лягаясь и молотя руками все близлежащие объекты. Но если личное пространство Марти никто не нарушал, она вела себя тише воды ниже травы. Из необычного можно было только отметить стеклянные, практически неподвижные глаза, сверлившие всё вокруг бессмысленным и отрешённым взглядом, и маскообразное лицо, из-за которого моя сестра походила скорее на куколку, чем на живого ребёнка. Хотя даже куколкой она была очень красивой: вьющиеся локоны цвета тёмного шоколада, пронзительные почти чёрные, точно мамины очи, бледная от постоянного пребывания в помещении детская кожа, худенькое, хрупкое тельце (в еде Марти тоже была редкостной привередой). Скромная и очаровательная, она нравилась людям, и те выказывали это, как только можно, однако никогда не получали ответной реакции. Марти можно было назвать диэлектриком. Или чёрным цветом. Всё поглотить, но ничего не провести, не отразить.

В школе ситуация поначалу тоже была не из простых. В первые месяцы если Марти не закатывала истерику, то она непременно забивалась в угол и, отворотившись от класса и прижав к груди обе руки, как если бы у неё болело сердце, могла простоять так весь оставшийся день, не реагируя ни на что. Тогда вызывали маму или отыскивали меня или Рэй, чтобы мы, поговорив с сестрёнкой, постарались вернуть её к прежнему состоянию. И, даже если сейчас такое может показаться глупым, этот способ действительно работал. После непродолжительной, спокойной беседы длиною всего-то в перемену Марти отмирала, возвращалась на своё место, брала в руки карандаш и продолжала занятие как ни в чём не бывало.

Затем всё относительно стабилизировалось, и, если Марти не донимали, она держалась ровно и даже начала понемногу общаться со сверстниками. Тогда и для всей нашей семьи наступила долгожданная пора затишья.

Мои двенадцать лет тремя словами не опишешь, ведь, не в пример тому, что было ранее, эти годы выдалась насыщенными и полными разнообразных событий. Греющих душу или окунающих в океан грусти, незначительных или в корне поменявших, казалось бы, всё вокруг. В любом случае, дающих жизненный опыт.

Мы с Сиршей любили приходить друг к другу с ночёвкой. С самого раннего детства. Ведь, в конце концов, почему бы и нет? Наши родители прекрасно знали друг друга, а мы были только «за» провести целый вечер, а затем ещё и ночь за болтовнёй или играми. И всё дошло до того, что я почти поселилась у неё, а она – у меня. Сирша стала полноправным членом семейства Уолш, а я – семьи МакКоннор. Это означало, что мы имели полномочие заявиться в дружественный дом в любое время суток, даже без приглашения, а также, что было совсем уж здорово и имело место, в основном, в летние каникулы, пожить у подруги несколько дней. Для гостеприимной Бронвин МакКоннор я была словно родная дочь, а мои родители ровно так же относились к Сирше. Братья и сёстры нисколько не удивлялись, когда, приходя домой, обнаруживали у нас мою подругу. Напротив, они искренне недоумевали, когда её в нашем доме не было. Тогда ко мне подходил по меньшей мере один человек с неизменным вопросом: «А где Сирша?»

В один из промозглых октябрьских деньков, когда ничего не хочется делать, а единственное вертящееся в голове желание – это устроиться в тёплой кровати или на мягком диване с

увесистой, хорошей книгой, мы с Сиршей, бросив рюкзаки в спальне, сидели у неё на кухне и лениво потягивали обжигающий земляничный чай. Это было только самое начало долгожданных выходных, не нужно было никуда спешить, и мы упоённо наслаждались каждой минуткой, каждой секундой, проведённой в таком вот незыблемом спокойствии. Безмятежный домашний дух и тишина окутывали нас с головы до ног, и на момент я поймала себя на мысли, что жутко хочется спать. Чтобы мозг не отключился, я убрала руки из-под головы, с трудом заставив себя напрячь шею.

– Слушай, – Сирша зевнула и нечаянно стукнула чашкой по столу. Видимо, она тоже потихоньку засыпала. – Пока я не забыла: скоро мама придёт... Ты же не против курицы на ужин?

Я попыталась смахнуть остатки дрёмы, в полной уверенности всплеснув ладонями:

– Спрашиваешь! Обожаю курицу.

Разговор получался бессмысленным, однако настроение моё мигом подскочило в плюс. К курице я питала горячую любовь с самого детства, может быть, оттого, что мама просто мастерски умела её готовить. Печёная, пирог, суп, жареная – это не имело значения. За какое бы блюдо из курицы мама ни принималась, всем заведомо было очевидно, что по итогам оно выйдет божественным.

Мы снова замолчали и уставились кто в чашку, кто в окно. Но это было не плохо, наоборот, в такие минуты совсем не нужно разрушать идиллию – лучше получать удовольствие от самого витающего в воздухе покоя.

Так или иначе, данное правило не значило абсолютно ничего для порывисто распахнувшей дверь на кухню и впустившей при этом в помещение немного уличной свежести Бронвин МакКоннор с сумками. Видно, по дороге с работы она заскочила в магазин.

– Привет, девчонки! – энергично махнула нам дева-русалка (вымокшая под дождём, она сделалась просто копией этого сказочного персонажа) на пути к холодильнику. – Чего киснете?

– Мы не киснем, – проскандировала Сирша. – Мы созерцаем.

Её мать в качестве ответа с грохотом расставила на столе перед нами целую кучу бутылок с различными соусами.

– Дождь, что ль, созерцаете? – усмехнулась она, кивнув в сторону окна. – Ну это неинтересно. Вот курицу в духовке созерцать повеселее будет. Давайте вы лучше соус сделаете, Сирша знает, как. А я потом замариную мясо, и к ужину как раз управимся. Годится? – выждав паузу, предложила миссис МакКоннор. – Да чего вы какие варёные? Неужели в школе так страшно мучают? – она поочерёдно потрогала наши лбы и, убедившись в том, что температуры у нас нет, собрала немного дождевой воды с плаща и брызнула каждой в лицо. Мы недовольно ойкнули, но мигом взбодрились. – Вот так-то лучше, – Бронвин МакКоннор выдала добродушный смешок и, энергично притопывая, ушла выполнять свою часть миссии.

Сирша, слегка болтая ногой, проводила её взглядом, а затем протянула мне одну из добротных, тяжёлых бутылей.

– Вот, держи. Найди пока тарелку или лучше чашку и налей туда примерно полсантиметра, а я укусы смешаю.

Лишних объяснений мне было не нужно. Так как я была чуть ли не постоянным жильцом этого дома, где у МакКонноров что лежит мне было более чем известно. Отворив дверцу старенького, деревянного, расписанного наполовину стёршимися этническими узорами подвесного шкафчика, я достала большую эмалированную миску и приступила к наполнению её нутра основой для нашего чудесного соуса.

Рецепт этот, к слову, тоже появился не просто так. Миссис МакКоннор рассказывала, что его изобрела ещё её прабабушка, и он в своё время прославил её куриные грудки на всю деревню и за её пределами. Жители нашего посёлка и даже странники чуть ли не в очередь к ней выстраивались, чтобы попробовать эту знаменитую нежнейшую курочку, а та не воз-

ражала: будучи человеком добродушным и щедрым, она готова была угостить каждого, кто только пожелает.

И сейчас ничего не изменилось, разве что толпа претендентов на лакомый кусочек больше не дежурила у крыльца. Курица была всё так же восхитительна, а рецепт передавался по женской линии из поколения в поколение. Правда, в качестве исключения Бронвин Мак-Коннор доверила его маме, чтобы такое мясо было частым гостем и на нашем столе, однако даже у неё, признанного шеф-повара, птица никогда не получалось точь-в-точь такой, как у подруги. «Думаю, у них есть какой-то секрет, о котором они сами не подозревают», – разводила руками мама, когда блюдо в очередной раз приобретало другой вкус. Её курица ни в коем случае не была несъедобной, просто всегда выходило так, что она была совершенно не похожа на оригинал. Даже если мама тщательно, до крупинки, отмеряла пропорции.

А теперь – подумать только! – мне предстояло своею рукой прикоснуться к секретам мироздания, постичь некую фамильную тайну. Вот только не испорчу ли я результат, если немного поучаствую в процессе?

– Эй, Мёрфи! – внезапно в размышления ворвалась смеющаяся конопатая рожица и белая, в муке, ладошка, которая отчаянно щёлкала пальцами в непосредственной близости от моего лица. – Maidin mhaith. Смешивать давай.

Белые частички, покруглившись в воздухе, шаловливо, словно споры папоротника, залетели мне прямо в нос.

– Хейчо! – я выдала смачный чих, еле успев прикрыться краем футболки. Соусу несказанно повезло, иначе он был бы безнадежно испорчен. – Ты что делаешь? А если бы!..

– У тебя был такой отсутствующий вид, – разрезав ниточку моей гневной речи на полуслове, весело возразила Сирша. – Как будто ты в астрал вышла.

– В астрал! Если бы в астрал. Пробовала – не получилось. И чего так все по медитации сохнут? – я в расстроенных чувствах от не самых хороших воспоминаний о неудачной попытке прочистить чакры на прошлых выходных подала подруге столовую ложку.

– Не знаю, – Сирша слегка качнула морковным каре – она недавно подстриглась. – Мода эта вообще странная. Но наряды у них классные, у йогов. Я б купила – дорогие только, наверное.

– Наряды красивые, ага, – я видела йогов по телевизору, откуда как раз постигла технику отделения души от тела, и конкретно в этом пункте была полностью согласна с подругой. – Но медитация всё равно – бред.

– Бред – не бред, хочу в Индию, когда вырасту, вот! – преисполненная решимости, Сирша со стуком приземлила уксус на стол и, кажется, только сейчас обратила внимание на то, чем мы, собственно, занимались вот уже около десяти минут. – Соус, кстати, готов. Идём к маме скажем ей?

– Пошли, – я накинула старую спортивную кофту Лу, и мы вместе направились на задний двор, к курятнику.

На улице уже потихоньку смеркалось, и дождь от однообразной скуки начинал сдавать позиции, оставшись лишь в озорных капельках на ветках деревьев, которые то и дело попадали за шиворот, да в крохотном ручейке, журчавшем по оплетённому лозой водостоку. Мы предусмотрительно надели резиновые сапоги, поэтому насквозь мокрая, наполовину пожухлая, но местами сохраняющая привычный малахитовый оттенок трава была нам не страшна.

– Сейчас слизняки выползут: как раз дождик прошёл, – с лукавой улыбочкой припугнула меня Сирша. – По ноге тебе заползут – и в сапог! – она зловеще, как ведьма из мультфильма, расхохоталась. Однако я всё-таки постаралась сохранить невозмутимость в лице.

– А я их уже не боюсь! Когда мелкая была, боялась, а сейчас – нет. Так что даже не пытайся.

Если честно, немножко я всё же приврала. Конечно, прилюдно я всегда утверждала, что по-настоящему страшной величаю только щекотку, вдобавок, природу я любила до безумия, но слизни любых пород и разновидностей, как ни бывало бы мне за то стыдно, являлись моим слабым местом. Мне становилось не по себе от одного их вида, а когда я была ещё ребёнком, Грейди любил пугать меня, гоняясь за мной со слизняком в руке. Поэтому и сейчас я еле сдерживалась, чтобы, как в детстве, не заверещать и не начать отплясывать, как на Дне Святого Патрика, только бы у брюхоногих не было шансов добраться до моих икр.

Между тем из сарая раздавались привычное квохтанье и тяжёлая поступь миссис МакКоннор. Видно, она нешуточно устала за рабочий день, и бороться с курами ей было уже в тягость.

– Цыц, зараза! Побегаешь мне тут ещё... – донеслось до наших с подругой ушей. Уже явно не такой бодрый, как поначалу, и даже весьма сердитый голос сопровождался ультразвуковым визгом и топотом кожаных, когтистых лапок по дощатому полу.

Мы с Сиршей многозначительно переглянулись и подошли ещё чуть ближе, чтобы уже спокойно схватиться за дверную ручку и проскользнуть внутрь небольшого помещения.

А в сарае тем временем разворачивалась настоящая баталия. Бедная жёлтая курица, отчеканивая какой-то одной ей известный ритм, на огромной скорости носилась по периметру загона, попутно сшибая с ног всех остальных птиц, которые с криками бросались в стороны, стоило только к ним приблизиться миссис МакКоннор. Она, красная, как спелая земляника, преследовала несчастное животное и то и дело норовила его сцапать. Однако из раза в раз юркая птица выворачивалась из протянутых рук и давала дёру с удвоенной скоростью.

Завидев нас, миссис МакКоннор на ходу махнула рукой в знак приветствия и, пробормотав что-то про «Я сейчас...» вновь припустила за своей целью. Сирша недоумённо воззрилась на мать и после пары секунд размышлений задала вполне резонный в данной ситуации вопрос:

– А почему именно эту курицу? Есть же другие.

Тогда Бронвин МакКоннор, утирая с лица капли пота, хоть в помещении было не так уж и жарко, наконец затормозила перед нами, чтобы объяснить причину этой в немалом комичной картины. Курица, уловив момент, юркнула между сёстрами и скрылась где-то в углу.

– Остальные несушки, а эта никак не несётся. Мы с бабушкой и так, и эдак пробовали – нет яиц и всё. Ты же помнишь, Сирша, за соседом даже ходили. У них все куры яйца приносят: они, говорят, штуку особую знают. Ан – нет. С этой что особая, что не особая – всё бесполезно...

– Угу, – Сирша кивнула и сделала полный оборот глазами, чтобы показать, что ей всё понятно, и она придерживается того же мнения. Почему-то моя подруга всегда выражала так своё согласие.

А я в свою очередь попыталась прикинуть, чем закончится эта история. Однако долго думать даже не пришлось.

Потому что, видно, сыграл эффект внезапности, а может, птица просто устала от долгой погони. В любом случае, когда миссис МакКоннор резко обернулась, а кудахчущая масса бросилась врассыпную, одна из кур так и осталась стоять на месте.

Это была та самая жёлтая курица. Та, что не давала яиц. Та, которой, наверное, не было места у них, у несушек.

Когда Бронвин МакКоннор осторожно, чтобы не спугнуть, подошла к ней и протянула руку, птица сделала только слабое движение в сторону – видимо, у неё и правда не осталось сил. Тогда крепкая ладонь в мгновение ока цапнула курицу за шею, а ту словно прошило разрядом тока – крылья взвились кверху и затряслись, как в припадке, а ноги вытянулись в струнку и подкосились. Только после этого животное будто ожило и принялось колотить телом и конечностями всё вокруг, до чего только можно было дотянуться. Курица, кажется, предприняла последнюю попытку вырваться на волю.

Но не тут то было. Быстро, отработанным движением, миссис МакКоннор вместе с отчаянно бьющейся птицей вышла к задней стенке сарая, где уже наготове стоял стол, застеленный клеёнкой, с необходимыми принадлежностями. Мы с Сиршей живенько, хоть в животе при этом у меня очень нехорошо прихватило, посеменили следом.

Я и раньше видела, как убивают животных. Конечно, ни мы, ни бабушка с дедушкой никого не держали, но в деревне убой на мясо редкостью не был. Однажды, когда мне было семь, я долго, целенаправленно стояла и наблюдала через доски забора за соседями, которые разделывали свинью. Тогда мне не казалось, что это мерзко, совсем наоборот: картина вызывала у меня лишь живой, детский интерес. Но никогда ещё я не лицезрела ничего подобного так близко. И так детально. К слову, сейчас, и это довольно жутко, когда я восстанавливаю данную цепочку событий в памяти, ко мне в голову закрадываются также и кое-какие не иначе как чисто убийственные ассоциации. Убийственные... Ну да, а какие ещё?

Миссис МакКоннор привычным жестом положила курицу на стол и, чуть не присвистывая, потянулась за большим, мясницким (как бы сказала мама, людоедским) ножом. Затем занесла руку – и пронзительный, сорвавшийся на высокой ноте крик, разрезав вечерний студёный воздух, больно ворвался в мои уши и, казалось, едва не сделал дыру в барабанной перепонке. Когда я увидела, как по клеёнке побежала струйка багряной жижи, а тело с головой, болтающейся на ниточке, как у марионетки, забилося в конвульсиях и постаралось подняться на ноги, мне стало сложно дышать. Диафрагма точно оказалась плотно сжата, как тогда, на рынке. Я не могла пошевелить даже пальцем. Опять голова; и опять она сплошными, отвратительно-тяжёлыми мазками разукрашена в горячий и яркий до рези в глазах бордовый цвет...

А между тем птице удалось привстать, и на ослабевших ногах, которые то и дело грозились свалить тело набок, она сделала пару неуверенных шагов в нашу сторону. Мои ресницы неконтролируемо взметнулись ввысь, а веки задрожали. Не было страшно, не было подкатывающей к горлу тошноты. Я просто вновь была в ступоре и в немой истоме ожидала, что же будет дальше.

Мне мигом стало абсолютно всё равно на то, что трава вокруг, возможно, кишит слизнями. Да даже если бы я очень захотела, вряд ли получилось бы поднять ногу вверх хоть на сантиметр. В такие минуты я совсем не контролировала собственное тело. Оставалось только молиться, чтобы всё это поскорее кончилось.

Так что когда курица, наконец, распластав свою почти оторванную окровавленную голову на склизкой клеёнке, снова осела вниз, на этот раз уже без возможности подняться обратно, я испытала несказанное облегчение от чувства, что по сосудам опять побежала кровь, а нервы занялись передачей электрического сигнала. Я была рада тому, что вновь, спустя вечность, почувствовала своё тело.

А ещё почувствовала руки, до побеления костяшек стискивающие края футболки, и влажные дорожки на щеках. Неужели я плакала?

– Жалко её, – до одури спокойно в напряжённо поглотившей нас тишине резюмировала Сирша. Миссис МакКоннор вздрогнула и обернулась на голос.

– Ох, – её лицо приняло обеспокоенное выражение. – Я не заметила, что вы тут. Идите-ка лучше домой, к бабушке, – и, прищурив светлые глаза в сумерках, она, видно, заметила странные перемены, произошедшие со мной. – Мёрфи? Что-то стряслось?

Миссис МакКоннор взволнованно подбежала ко мне, по неосторожности протягивая руку в кровавой перчатке. От этого зрелища в глазах опять стало мутно, а ноги сами собою сорвались в галоп.

Я бежала в дом, оставляя позади встревоженные взгляды, грязную клеёнку и труп. Я точно не знала, что будет потом, но скрыться хотелось до ужаса. Скрыться – и больше не выходить, лица своего не показывать. Было противно и гадко, присутствовал целый спектр, фонтан

эмоций, но внутри они не подкреплялись ничем. Ни единого чувства. Ни единого отклика. В те секунды я чувствовала себя Марти.

А потом я просто лежала под кроватью Сирши в её комнатухе с мансардным окном, которое так мне всегда нравилось, хоть подруга и утверждала, что ничего путного в него не видно. Среди пыли, старых бумажек и обломков от игрушек я наконец ощутила комфорт уединения. «Никогда больше не буду плакать. Никогда, – перебирая пальцами какие-то смятые листки с каракулями, решила я для себя. – В конце концов, с чего бы вдруг? Мне ведь даже не было её жалко». Было так невнятно, что хотелось головой об низкий потолок расшибиться.

«Очень напоминает что-то... Или нам показалось?» – подсознание, да прекрати уже! Я обязана пересказать эту историю, и я, чёрт тебя побери, наконец-таки сделаю это! Без твоих комментариев, вот уж увольте!

Это, наверное, продолжалось бы весь вечер, если бы в комнату тогда не заявила бабушка. Она, худенькая, не в пример дочери, сухая старушка, в давно поседевших волосах которой всё ещё проглядывали по-лисы рыжие прядки, плохо говорила по-английски, но мне это было и не важно. Когда мы с нею впервые познакомились, она, обычно суровая и устрашающая всю деревню, сделалась вдруг небывало мягкой и пробормотала что-то с таким сильным акцентом, что я не поняла ни слова из того, что эта женщина мне сказала. Пришлось объяснить, что я тоже знаю ирландский, чтобы в дальнейшем сделать наше общение проще и приятнее для обеих сторон. Я с детства называла её бабушкой, как Сирша, и та была не против, может, оттого, что с самого знакомства полюбила меня, как родную.

В тот день бабушка была настроена вполне доброжелательно и только поинтересовалась, присев на кровать аккуратно над моим захоронением, что со мною приключилось. До сих пор не могу понять, как она узнала о моём местоположении, ведь я лежала тихо, даже дыша через раз. Так или иначе, старушка смогла вытащить меня к свету и, выслушав сбивчивые объяснения (я и сама толком не имела возможности описать захлестнувший меня шквал эмоций, похожих на пулемётную стрельбу), успокоить мятущуюся душу. Более того, я сумела, отряхнувшись от пыли, вместе с нею спуститься вниз, где Сирша и миссис МакКоннор уже накрывали стол к ужину.

– Мёрфи! Всё в порядке? Где ты была? Я так напугалась, – подруга, мигом побросав вилки, подскочила ко мне и схватила мою ладонь. Её мать подоспела следом и с горящим от облегчения взглядом, видно, позабыв о картошке на плите, заключила меня в объятия. – Бабушка, как ты её нашла? Я весь дом обегала!

В ответ старушка махнула морщинистой ладонью, гремя стульями в попытках добраться до своего:

– Будет, будет вам, стрекозы. Не донимайте её пока. Вишь – плохо человеку.

Бабушку в семье беспрекословно слушались, поэтому Сирша только подняла разведённые руки на манер «я сдаюсь» и, усадив меня за стол, проследовала за миссис МакКоннор раскладывать еду.

Я, послав бабушке благодарный взгляд (очень уж не хотелось ещё отвечать на всякого рода вопросы), молча дождалась своей порции и окончательно заключила для самой себя, что здесь физиология моя совершила огромный прокол.

Потому что я совершенно не могла отделаться от мысли, что запечённая, душистая курочка на тарелке, которая среди ароматных варёных картофельных клубеньков так и ждала, когда же я отправлю её в рот, – это *та самая* курица.

И реакция не заставила себя долго ждать. Как-то снова стало не то, чтобы мерзостно, скорее – непонятно, мутно, а воздух в ушах обеспокоенно заурчал.

– Мёрфи, ты что, курицу не съела? – изумлённо воззрилась на меня Сирша, когда передо мной совсем не осталось картофеля, только птица. – А ты, случаем, не заболела?

Это действительно было очень на меня непохоже. Чтобы Мёрфи Уолш оставила курицу – да никогда. Она скорее взорвётся, но уничтожит всё до последнего кусочка.

– Можешь взять, если хочешь. Курица правда замечательная, только я вряд ли ещё когда-нибудь буду её есть.

Даже в тридцать с лишним я, разводя руками, утверждаю: «Не знаю, зачем; не понимаю, почему». Многовероятно, что уход от проблем – это просто мой персональный конёк. Но факт таков: именно будучи двенадцатилетним ребёнком, я приняла своё первое длительное и отчасти безрассудное решение.

Глава 9.

Рано или поздно в жизни каждого человека наступает такой момент, когда он на ментальном уровне отделяется от родителей и начинает строить уже свой, недоступный другим мир.

В моём случае такой период пришёлся как раз на ранний подростковый возраст и, может быть, потому я так бережно храню эти годы в памяти. Я не замечала, как меняюсь, мне совершенно не было больно от того факта, что многое уже никогда не будет видаться и чувствоваться так, как раньше. Если начистоту, я вообще об этом не задумывалась лет до четырнадцати. С одной стороны, это и к лучшему, но с другой... Насколько же неприятной и противоречивой вещью были перемены, происходившие с окружающим миром!

Для меня мои братья и сёстры всегда были, есть и останутся задорными ребятами, которые зимой не брезгуют валяться в грязном мокром снегу, который мы так долго ждали, а летом рыскают по болотам в поисках головастика, а позже – лягушек. Моими самыми первыми и такими надёжными друзьями.

Впервые я столкнулась с переменами лицом к лицу, когда Лу в двенадцатом классе привёл к нам домой свою девушку Лесли Честертон и сообщил, что по окончании школы он вместе с ней подаст документы в городской колледж и будет снимать квартиру. Эта девушка была одногодкой брата, но училась в параллельном классе, поэтому впервые они с Лу заговорили только тогда, когда их поставили выступать дуэтом на ежегодном рождественском концерте. Дело в том, что Лесли играла на пианино, а первой и на тот момент единственной любовью Лу была его гитара, потому учительница предположила, что, возможно, будет здорово, если ребята вместе сыграют и споют, всё равно ведь участников мало. А так как перечить взрослым у нас в школе было себе дороже, Лу и Лесли пришлось начать совместно репетировать. А там – общение, прогулки, вечерние звонки и хохот до полуночи, походы в кино... «И как-то само закрутилось, – довольно заключал братец, пересказывая нам, семье, эту историю. – Наверное, это-таки была судьба».

«Какое там – судьба, – позднее, угрюмо закрыв лицо копной схожих с мочалкой волос и пиная ногой бортик своей тахты, мысленно трактовала я. – Бредни это всё, не существует такого. Это животные инстинкты, и ты, дорогой мой, им поддался. Всё, что ты ни рассказывал, – розовые сопли под приторной посыпкой. Нет, даже не сопли – слизь! Противная, тошнотная слизь. Я-то помышляла, ты человек высокий, животной дури не поддашься, будешь разумным... Homo Sapiens Sapiens как-никак... А ты так вот бесчестно сошёл с пути». Мне было настолько дурно, что хотелось и правда сбежать вниз и выпустить обед на волю, но я держалась и только ерошила рассеянной рукой бахрому на занавесках. В неполные одиннадцать лет я считала любовь чем-то ненужным, тем, что только портит жизнь и мешает нормально существовать. Мне казалось, что Лу многого мог бы добиться, не вытяни он такой ужасный жребий.

«А как же мама и папа? – часто спрашивали меня, когда я высказывала своё мнение. – Они же любят друг друга, так? Неужто это плохо?» «Возможно, что нет, – честно сознавалась я, но и тут находила справедливый контраргумент. – Но ведь без семьи они большего бы достигли. Дети и деньги – это у них вечная помеха». Мама, дело известное, тут же начинала махать

руками: «Не говори так! Мы и думать не думаем, что было бы, если б вы не жили на свете!», на что я с невозмутимостью возражала: «А зря. Ваша жизнь бы, может, на порядок лучше была».

Конечно, я любила их – кто станет спорить? Но не отпускала мой разум тяжёлая мысль: зачем два незаурядных человека осели в этом богом забытом месте с пятью детьми на шее? Кто или что поспособствовало этому? Ведь я в жизни бы не поверила, что они избрали такой путь добровольно. Папа, по своей природе человек не бегающий – летающий, вообще не стал бы лишним раз себя чем-либо или кем-либо обременять. А мама... Да, она была ответственной. Да, всегда знала, как с нами управляться. Но будучи карьеристом, она бы, скорее, поставила во главу угла работу. Продвинулась бы по службе – с её умом это было бы несложно, пусть она и женщина – и красивая или хотя бы зажиточная жизнь обеспечена. Хорошо, хоть бы и с папой. Но зачем им понадобились мы? Ещё и в количестве пяти штук?

Так или иначе, со всем рано или поздно приходится свыкаться. Соответственно, и я, побесновавшись с месяц, в конце концов вышла из состояния слепого неприятия и решила познакомиться с Лесли. «Ладно уж, пусть Лу уходит. Пусть вообще делает, что хочет. У меня есть ещё Рэй, и Грейди, и Марти... И Сирша. А Лу, так и быть, я отпущу, – мне пришлось приложить почти нечеловеческие усилия, чтобы заставить себя думать так и полностью вымести из головы старую, заскорузлую жвачку. – Она ведь скоро станет почти членом нашей семьи. Так почему бы не дать ей наконец знать, что я существую?»

Лесли, как ни странно, оказалась приятным человеком, хоть в нашей школе она и пользовалась популярностью. Говоря честно и положив руку на сердце, во время учебного дня, наблюдая за нею с другого конца коридора, я, несмышлёная пятиклашка, втайне восхищалась её эфемерным хрупким станом, тоненькими кистями, длинной шеей и лёгкой, почти летящей походкой. Она, питаясь одними сэндвичами и батончиками, ухитрялась не то что не толстеть, а оставаться воздушной и невесомой, точно нимфа из лесной чащи. У нас же в семье гены ускоренного метаболизма не проявлялись вообще ни у кого (ну кроме, разве что, старшего брата), поэтому Рэй, которая ела, наверное, вдвое меньше, часто жаловалась, что ей ни за что не стать такой, как Лесли, даже если она насмерть заморит себя голодом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.